

ДАНИЭЛА СТИЛ

Благословение

ЭКСМО

Даниэла Стил Благословение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135402
Даниэла Стил. Благословение: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34049-1
Оригинал: DanielleSteel, "Mixed Blessings"
Перевод:
Е. Иванова

Аннотация

Они все очень разные, эти счастливые и несчастные семейные пары, но их объединяет одно желание – чтобы в доме наконец зазвучал детский смех. Однако не всем дана такая радость. По-разному ищут выход герои, вступая в спор с природой, с собственным возрастом... Но те, кто истинно верит в жизнь и стремится к счастью, обретают его!

Книга стала основой одноименного телевизионного сериала, вошедшего в суперпопулярную «Коллекцию фильмов Даниэлы Стил».

Содержание

МИЛОЕ ЧУДО	5
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	41
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниэла Стил

Благословение

Всем тем, кого я сама считаю самым большим чудом в моей жизни: Беатрисе, Тревору, Тэдди, Нику, Саманте, Виктории, Ванессе, Макс и Зайре, за то бесконечное блаженство и наслаждение, которое они дарят мне, и еще тому, кто для меня – чудо из чудес... моему единственному возлюбленному, Глазастик, от всего сердца и с любовью.

Д. С.

МИЛОЕ ЧУДО

Надежда,
Давний сон чудесный,
Пронзительная благодать,
И ход часам твоим небесным
Любви положено задать.
Печаль, и боль,
И страх утраты
Пройдут,
И озарится мир.
Дитя! Иди ко мне, куда ты?
Будь рядом, маленький кумир.
Хватает сил
С тоской и гневом
Грозить щемящей пустоте,
Но,
Вновь благословляя небо,
Прижаться к маленькой мечте.
Пусть надо ждать,
Вздохнуть не смея,
Движенья крошечной руки,
Любить и ждать —
Да, я умею,
И пусть страшны и нележки
Пустые годы, но однажды
Из темноты возникнешь ты —
Любимый.
НАШ, и самый важный,
И воплощение МЕЧТЫ!
Перевод Г. В. Парцвания

Глава 1

Жара стояла невыносимая, на ярко-синем небе не было ни облачка. Из остановившегося лимузина вышла Диана Гуди. Легкая, цвета слоновой кости вуаль затеняла черты ее лица, а облегающее платье из плотного шелка мягко шелестело, пока шофер помогал ей выбраться из машины. Она лучезарно улыбнулась отцу, уже ожидавшему ее у дверей пасаденской церкви Всех Святых, и на мгновение закрыла глаза, стараясь вобрать в себя каждую самую мельчайшую подробность, потому что это была самая счастливая минута ее жизни.

– Ты выглядишь великолепно, – тихо сказал отец, любуясь дочерью.

Мама, сестры, их мужья и дети прибыли на торжественную церемонию заранее. Диана была средней из сестер, она глубоко и искренне любила Гейл и Саманту, но все же ей казалось, что судьба уготовила для нее нечто особенное. Во всяком случае, что-то совершенно отличное от того, что, по стандартным меркам, считалось благополучием. Старшую сестру, Гейл, все уговаривали поступить в медицинский колледж, и она почти год потратила на подготовку к экзаменам, когда внезапно влюбилась, вышла замуж, забыв о призвании медика, сразу же завела детей. Сейчас, в двадцать девять лет, у нее были три прелестные дочери. Диане исполнилось двадцать семь, и, хотя сестры были довольно близки, между ними всегда существовало своеобразное соперничество – ведь они были на удивление разными. Гейл никогда не жалела о прошлом, в частности о несостоявшейся медицинской карьере. Она обрела счастье в браке, вполне удовлетворилась тем, что может сидеть дома с девочками, и полностью посвятила себя семье. Она стала превосходной женой врача – интеллигентной, образованной и живо интересующейся его практикой. Несколькими неделями раньше Гейл призналась Диане, что они собираются завести еще по крайней мере одного ребенка. Джеку страстно хотелось иметь сына. Вся жизнь Гейл сосредоточилась на детях, муже и доме. В отличие от ее двух младших сестер карьера не имела для нее никакого значения.

В какой-то мере у Дианы было много общего с младшей сестрой, Сэмми. Саманта не представляла своей жизни без светских развлечений, в первые два года своего замужества старалась совместить дом, работу и выходы в общество. Но когда через тринадцать месяцев после рождения первого ребенка у нее появился второй, она поняла, что не сможет жить прежней жизнью. Она оставила работу в художественной галерее в Лос-Анджелесе и засела дома, чем несказанно обрадовала своего мужа. Но не прошло и месяца, как Сэмми почувствовала себя глубоко несчастной без работы и общества. За те два года, что они женаты, картины Сеймуса приобрели популярность, и он постепенно, но неуклонно становился самым известным среди молодых художников Лос-Анджелеса.

Сэмми пыталась работать дома, но с двумя крошками на руках и без посторонней помощи это оказалось очень тяжело. Она любила детей и Сеймуса, их брак был удачным, а сынишка и дочурка походили на двух маленьких пухленьких ангелочков; каждый, кто их видел, не мог остаться равнодушным. И все-таки бывали моменты, когда Сэмми завидовала Диане, ее работе, тому интересному миру, в котором вращалась сестра.

По мнению же Дианы, жизнь ее сестер складывалась удачно. Как ей казалось, Гейл и Саманта получили то, о чем мечтали. Сэмми чувствовала себя своей в мире современного искусства, Гейл прекрасно ориентировалась в современных достижениях медицины. Но для себя Диана не хотела подобной судьбы. Она получила образование в Стэнфорде, а предпоследний год учебы провела за границей – в Париже, в Сорбонне. Она вернулась в Париж, чтобы поработать там год после получения диплома, нашла уютную маленькую квартирку на улице Гренель, на левом берегу Сены, и какое-то время ей казалось, что она останется здесь надолго.

Но через полтора года, проработав все это время в «Пари-матч», она вдруг затосковала по Америке, по семье и больше всего, неожиданно для себя самой, по сестрам. Гейл как раз нянчила своего третьего ребенка, а Сэмми ждала первенца. Диана вдруг решила, что должна быть с ними.

Однако, вернувшись домой, она почувствовала себя немного не в своей тарелке, и первые несколько месяцев ее неотвязно мучил вопрос: правильно ли она поступила, вернувшись на родину? Не следовало ли ей не поддаваться внезапному порыву и остаться в Париже?

Париж, конечно, грандиозен, но жизнь в Лос-Анджелесе тоже оказалась интересной, тем более что сразу по возвращении ей посчастливилось устроиться старшим редактором в журнале «Современный дом». Журнал был новым и перспективным. Жалованье приличное, люди, окружавшие ее, – доброжелательные, условия работы – прекрасные, в общем, это было удачное место, как будто созданное специально для Дианы. Она подолгу охотилась за необыкновенными объектами для снимков, нанимала фотографов, сама писала статьи и рассказы, для чего ей постоянно приходилось летать по всему миру, чтобы собственными глазами взглянуть на необычные, своеобразные здания, расположенные в столь же необычных и красивых местах. Теперь она постоянно наведывалась в Европу. Одну заметку она писала на юге Франции, другую – в Гштаде¹. И, конечно, в Нью-Йорке, в Палм-Бич, в Хьюстоне, Далласе, Сан-Франциско и других городах Америки. Эта работа была словно создана для нее, и ей завидовали не только друзья, но и сестры. Для тех, кто не представлял себе всех сложностей такой работы, она казалась просто сказочной, и именно так воспринимала ее Диана.

Она только начала работать в журнале, когда на небольшой вечеринке познакомилась с молодым человеком по имени Энди. Они проговорили шесть часов кряду в маленьком итальянском ресторанчике, и после этого ей с трудом удалось отклонить его приглашение подняться к нему в номер. Диана сдерживалась шесть месяцев, не желая признаваться самой себе в чувствах, которые испытывала к нему. Но она была от него просто без ума, и он знал об этом. Энди тоже души в ней не чаял, в общем, оба попали в волшебные сети любви. Казалось, они идеально подходят друг другу. Высокий и красивый блондин, бывший чемпион Йеля по теннису, Энди был родом из старинной и уважаемой нью-йоркской семьи. Он окончил юридический факультет Лос-Анджелесского университета и сразу после этого получил место в юридическом отделе ведущей радиокomпании города. Он обожал свою работу, и Диана восхищалась его энтузиазмом и честлюбивыми планами. Молодой юрист работал одновременно с несколькими популярными программами, и радиокomпания одобряла ту легкость, с которой он составлял самые трудные контракты.

Диана любила бывать с ним на деловых вечеринках, встречать там знаменитостей, беседовать с другими юристами, известными продюсерами, знаменитыми агентами. Это был, как говорится, «высший свет», но Энди чувствовал себя там как рыба в воде. Он всегда трезво оценивал людей, никогда не поддавался показному блеску того общества, где ему приходилось вращаться. Но ему нравилось то, что он делает, он планировал возглавить частную фирму, специализирующуюся на юридической деятельности в области шоу-бизнеса. Конечно, молодой человек понимал, что для этого у него пока недостаточно опыта, и он успешно набирался его, работая на радио. Энди твердо знал, чего хочет и чего может добиться в жизни. Он тщательно спланировал свою карьеру, да и судьбу тоже, и, когда появилась Диана, он ни дня не сомневался, что это именно та женщина, которая должна стать его женой и матерью его детей.

Они очень веселились, выяснив, что оба хотят иметь четверых детей. Энди был старшим из четырех братьев, двое из которых были близнецы, и Диану позабавила мысль о том,

¹ Гштад – город в Швейцарии. (Здесь и далее прим. пер.)

что и у них могут быть двойняшки. Все эти разговоры о будущих детях делали их весьма беззаботными в отношении секса, и Диане порой казалось, что они испытывают судьбу. Но если бы она забеременела, никто из них не имел бы ничего против, они бы просто поженились – и все. Уже через несколько месяцев после знакомства молодые люди открыто говорили о свадьбе и совместных планах на будущее.

Жили они вдвоем, в небольшой чудесной квартире в Беверли-Хиллз. Вкусы у влюбленных были на удивление схожи, и они даже купили у Сеймуса две его картины. Совместные доходы позволяли им приобретать действительно стоящие вещи. Все свободные деньги молодые люди тратили на произведения искусства. Они даже замахнулись на дорогостоящее полотно, но им не хватило денег, поэтому они продолжали приобретать то, что им было по карману, и искренне радовались каждой купленной вещи.

Но больше всего Диану радовало, как сложились отношения Энди с ее родителями, сестрами и их мужьями. Несмотря на то что Джек и Сеймус были очень разные, они оба, казалось, одинаково нравились Энди, и он с удовольствием встречался с ними, когда мог выкроить время. Он отлично разбирался в мире искусства и мог на равных общаться с Сеймусом, но и с Джеком у них находились общие темы для разговора. По общему мнению, Эндрю Дуглас был общительным, умным, очаровательным и веселым парнем, и Диана благодарила судьбу, которая устроила их встречу.

Отмечая годовщину своего знакомства, они отправились в Европу, и Диана показала ему свои любимые уголки Парижа, а затем влюбленные проехали на автомобиле по долине Луары. Далее их путь лежал в Шотландию, где они навестили Ника – младшего брата Энди. Путешествие было восхитительным, и, вернувшись домой, молодые люди начали строить планы будущей совместной жизни. Они были знакомы уже полтора года и свадьбу решили справить в июне, медовый месяц было решено провести в Европе; на этот раз они собирались побывать на юге Франции, в Италии и Испании. Диана решила взять трехнедельный отпуск в журнале, а Энди договорился о том же самом у себя на радиостанции.

Они стали подыскивать дом где-нибудь в Брентвуде, Вествуде или Санта-Монике и даже были согласны поселиться в довольно отдаленном от Лос-Анджелеса Малибу, если бы им попалось там что-нибудь стоящее. Но в марте вдруг нашли прекрасный дом в Пасифик-Пэлисэйд. В этом доме много лет проживала большая семья, но теперь дети выросли и разъехались, а их родители, пожилая пара, решили продать его, хотя, судя по всему, им не очень хотелось расставаться с обжитым местом. И Энди, и Диана влюбились в особняк с первого взгляда. Дом был большой, весь увитый плющом, а внутренняя обшивка из деревянных панелей делала его на удивление уютным и теплым. Перед крыльцом росли могучие деревья, а сам дом окружал великолепный сад, где могли играть дети. На втором этаже была целая анфилада просторных комнат, среди которых каждый из них облюбовал для себя по просторному помещению под кабинет, а над ними – четыре уютные детские спальни.

Покупку дома оформляли в мае, и Энди переехал туда за три недели до свадьбы. А Диана все свои вещи, приготовленные для свадебного путешествия, решила оставить в маленьком ресторанчике в Беверли-Хиллз, где ее родители устроили прощальный ужин, заказав одну из отдельных кабинок.

Она не хотела проводить ночь перед свадьбой со своим женихом и решила переночевать дома, у родителей. Ее уложили в бывшей детской комнате, и, проснувшись рано утром, Диана долго лежала, разглядывая выцветшие, в розово-голубых цветочках обои, которые так хорошо знала. Было забавно сознавать, что через несколько часов она станет чьей-то женой... Что же это означает? Кем она теперь будет? Изменится ли теперь что-нибудь в их совместной жизни? Станет ли он теперь другим? А может, она станет другой? Ей вдруг показалось, что это нечто большее, чем просто волнение перед свадьбой. Потом она стала думать о сестрах и о том, как они изменились после замужества. Сначала это было незаметно, но потом,

с годами, они, казалось, превратились в одно целое со своими семьями. Она еще не стала такой, как они, но постепенно годы сотрут разницу. «К тому же, – подумала она, – через год у меня уже может родиться малыш». Заниматься любовью с Энди всегда было необыкновенно приятно, но еще приятней было сознавать, что в один прекрасный день она забеременеет и у них будет ребенок. Она очень любила Энди, и ей нравилось мечтать об их будущих детях.

Диана продолжала улыбаться, когда поднялась с постели в день своей свадьбы, думая об Энди и об их совместной жизни. Она спустилась вниз, чтобы спокойно выпить чашку кофе, пока никто не проснулся, но мать появилась в кухне вслед за ней, а через полчаса сестры и племянницы тоже вышли из своих комнат, чтобы после завтрака одеться самим и помочь невесте нарядиться в свадебное платье. Оба шурина, которые должны были быть шаферами, ночевали дома. Три девочки Гейл и дочурка Сэмми будут цветочницами, а малышу-племяннику поручено звонить в колокольчик. Ему совсем недавно исполнилось два года, и он так мило выглядел в нарядном шелковом костюмчике, который Диана выбрала для него, что все прослезилось от умиления.

Бабушка выпроводила внучат, которые ни минуты не могли усидеть на месте, и послала присмотреть за ними, пока женщины будут одеваться.

– В этом вся мама, – хмыкнула Гейл, слегка приподняв бровь.

Да, мать была именно такой, она всегда старалась все организовать и спланировать до мелочей. Им не раз приходилось, сдерживая раздражение, отвечать на ее вопросы – например, она могла в июне замучить всех, спрашивая, где они собираются провести День благодарения. Но в организации разных семейных торжеств, и, в частности, этой свадьбы, мать была просто незаменимым человеком. Диана была занята работой, и на решение личных проблем у нее просто не было времени, но мать все взяла в свои руки, и в результате – Диана знала – свадьба получится замечательной. Так и случилось. Сестры прекрасно выглядели в нежно-оранжевых шелковых платьях, с огромными букетами роз, еще более нежных и светлых по оттенку. И девочки были очень хорошенькие в белых платьицах с розовыми лентами и в кружевных перчаточках. Когда они отправились в церковь, в руках у них были полные цветов корзинки.

Диана с нежностью смотрела на родных, стоя рядом с отцом в эти незабываемые минуты, оставшиеся до ее свадьбы.

– Ты действительно прекрасно выглядишь, дорогая, – улыбаясь, повторил отец. Будучи мягким и добрым человеком, он всегда старался поддержать дочь, всегда гордился и радовался ее успехам.

Диана глубоко уважала родителей, никогда не досадовала на них, враждебности, которая возникает иногда между родителями и детьми, в их семье не было места, полное взаимопонимание и любовь царили с тех пор, как она себя помнила. Правда, Гейл пережила-таки период, когда между ней и матерью возникли серьезные разногласия. Гейл была старшей, и она часто говорила о родителях, что это она «перевоспитала их». Но Диана никогда не сомневалась в том, что отец с матерью всегда были людьми умными и рассудительными, и Саманта соглашалась с ней, даже когда ей пришлось изрядно понервничать, не зная, как родители отнесутся к ее браку с художником. Но в конце концов они полюбили ее мужа и прониклись уважением к нему. У Сеймуса, правда, был довольно замкнутый характер, но это не мешало их общению.

А в отношении Эндрю Дугласа у них вообще не было никаких претензий. Они не сомневались, что Диана будет с ним счастлива.

– Волнуешься? – поинтересовался отец, когда она нервно прошлась по гостиной в ожидании минуты, когда подъедет машина. Это ожидание показалось ей вдруг бесконечно долгим, и ужасно захотелось, чтобы все было уже позади и они с Энди были бы уже в гостинице «Бель Эр» или в самолете, подлетающем к Парижу.

– Да, что-то в этом роде. – Диана беспомощно улыбнулась и стала вдруг похожа на маленькую девочку. Ее длинные рыжевато-каштановые волосы были уложены под фатой в тяжелый пучок, и отцу показалось, что она выглядит умудренной опытом женщиной и в то же время совсем юной.

Их отношения с отцом всегда были очень доверительными, Диана никогда не скрывала от него своих чувств и в любой момент могла поделиться с ним своими радостями или опасениями. То, что она чувствовала сейчас, трудно было описать, молодую женщину тревожили вопросы, на которые никто не смог бы дать ответа.

– Я все думаю, может ли теперь что-то измениться... ну, когда мы поженимся... в общем, ты понимаешь... мы ведь жили вместе, а сейчас... – Она вздохнула и опять беспомощно улыбнулась. – Теперь это уже похоже на взрослую жизнь, так ведь?

Она выглядела гораздо моложе своих двадцати семи лет, но иногда чувствовала себя намного старше.

– Да, для тебя начинается взрослая жизнь.

Отец, улыбаясь, нежно коснулся губами ее лба. Это был высокий, интеллигентного вида мужчина с копной седых волос и пронзительно-голубыми глазами. Он любил ее, когда она была еще малышкой, нравилась ему и та женщина, в которую она превратилась, и тот человек, за которого она собиралась выйти замуж. Он не сомневался, что у них все будет отлично. Если судьба будет благосклонна к Диане и Эндрю, они, несомненно, будут счастливы и многого добьются. А пока он от всей души желал, чтобы их свадебное путешествие было удачным.

– Ты готова к этому. Ты прекрасно знаешь, что делаешь, а он очень хороший человек. Все будет хорошо, родная. А мы в любой момент поможем тебе... и Энди. Я надеюсь, вы оба знаете это.

– Да, конечно. – Глаза ее наполнились слезами, и она отвернулась.

Ей вдруг стало очень жаль расставаться с ним и с их домом, хотя они давно уже не жили вместе. Расстаться с отцом для нее было даже тяжелее, чем с матерью: мать всегда была чем-то занята, и сейчас, перед тем как ехать в церковь, она суетилась вокруг дочери, постоянно поправляла Диане фату и следила, чтобы никто из ребятишек не наступил ей на платье. Стоя в гостиной с отцом, Диана не ощущала больше беспокойства, и только море чувств, главными из которых были любовь и надежда, бушевало в ее душе.

– Ну что, юная леди, пора. – Голос у отца был хриловатый, полный нежности. – Мне кажется, нам надо поспешить.

Он улыбнулся и предложил дочери руку. Они с водителем помогли ей устроиться на сиденье, иначе бы она запуталась в своем длинном платье и фате, тем более что руки у нее были заняты огромным букетом белых роз. Их запах немедленно заполнил салон, у нее закружилась голова – не то от их аромата, не то от счастья. Она увидела детей, которые бежали к ним, показывали на нее пальцами и кричали:

«Смотрите!.. Смотрите!.. Невеста!»

Было приятно сознавать, что невеста – это она, и чувствовать себя центром внимания. Диана, не зная, как успокоиться, беспрестанно поправляла фату, одергивала корсаж и в сотый раз расправляла бесчисленные кружевные оборки своего, может быть, немного старомодного, в викторианском стиле платья.

После свадебной церемонии предстоял торжественный ужин в Оукмонтском загородном клубе, на который было приглашено человек триста. Пригласили многих: ее бывших одноклассников, друзей ее родителей, дальних родственников, коллег по работе и знакомых, среди которых должен был быть близкий друг Эндрю Уильям Беннингтон. Не забыли они пригласить и нескольких знаменитостей, с которыми Эндрю заключал контракты. Ну и, конечно, его родителей и трех братьев. Ник из Шотландии переехал в Лондон к новому

месту работы; а Грег и Алекс, близнецы, учились в Гарварде в школе бизнеса. Все братья откликнулись на приглашение. Двойняшки были на шесть лет младше Энди, ему было тридцать два, и брат всю жизнь был для них кумиром. Диана сразу же пришлась им по душе, ей они тоже понравились, и невеста, заглядывая вперед, прикидывала, что было бы неплохо пригласить их в гости на каникулах, а может, даже взять с собой в Калифорнию. Но в отличие от Энди остальные Дугласы предпочитали восточные штаты, и Грег с Алексом мечтали получить работу в Нью-Йорке или Бостоне, а может, даже в Лондоне, как Ник.

— Мы, конечно, не можем производить такое неотразимое впечатление на знаменитостей, как наш брат, — добродушно поддразнивал Ник Энди накануне свадебного обеда. Но было ясно, что они действительно гордятся своим старшим братом, восхищаются его успехами и выбором невесты.

Из церкви донеслась торжественная органная музыка. Диана взяла отца под руку и почувствовала, как дрожь волнения пробежала по ее телу. Она заглянула ему в глаза, такие же голубые и пронзительные, как у нее самой. Когда они стали подниматься по лестнице, Диана сжала руку отца и прошептала:

— Вот мы и пришли, папочка!

— Все будет хорошо, вот увидишь, все будет прекрасно. — Он говорил это, когда ей предстояло первый раз выйти на сцену в школьном спектакле, и тогда, когда она упала с велосипеда и сломала руку в девять лет; и он повез ее в больницу и по дороге рассказывал глупые истории, заставляя ее смеяться, а потом, когда накладывали гипс, крепко прижимал к себе. — Я уверен, что ты будешь прекрасной женой, — произнес он, стоя перед дверью, ожидая знака одного из шаферов.

— Я люблю тебя, папочка, — взволнованно шепнула она.

— Я тоже люблю тебя, Диана. — Отец наклонился и поцеловал ее через фату.

Запах роз кружил головы, и они оба понимали, что будут помнить это мгновение до конца жизни. Им подали знак, отец успел шепнуть: «Да хранит тебя бог», и сестры начали медленно спускаться по проходу вслед за тремя подругами Дианы, одетыми в розовые платья и такие же шелковые шляпки. Музыка замолкла всего на минуту, а потом начала нарастать, постепенно набирая силу, она становилась все громче, громче по мере того, как красавица невеста приближалась к своему жениху, нежная и хрупкая в белом кружевном платье. Под прозрачной, как легкое облачко, фатой зрители могли разглядеть блестящие каштановые волосы, матовую кожу лица, нервную полуулыбку на приоткрывшихся губах и сияющие голубые глаза... Она подняла их и увидела его: высокий, красивый, светловолосый, он стоял и ждал ее. Ждал, чтобы навсегда соединить свою жизнь с ее судьбой.

Увидев приближающуюся Диану, Эндрю почувствовал, как от восторга увлажнились глаза. По ковру, устилающему проход, скользила прекрасная принцесса в белом. Она медленно приближалась и наконец остановилась прямо перед ним, сжимая в дрожащих пальцах свадебный букет.

Он нежно взял ее за руку, в то время как священник торжественно обратился к собравшимся, напоминая им, что они пришли сюда для того, чтобы как близкие друзья и родственники засвидетельствовать клятву верности молодых идти вместе до конца, в горе или радости, в здравии или недуге, в богатстве или бедности, пока смерть не разлучит их. Он обратился к Эндрю и Диане, напомнив, что дорога их жизни не всегда может быть гладкой, а судьба благосклонной к ним, но они обязаны во всем и всегда помогать друг другу и делать друг для друга все, что в силах, во имя своей любви и той клятвы, которую они произнесут перед лицом господина.

Голоса их звучали уверенно, когда они клялись друг другу в верности, Диана наконец-то успокоилась, и руки у нее перестали дрожать. Она больше ничего не боялась, Энди

был с ней, и она принадлежала ему по закону. И она была счастлива как никогда в жизни. Диана просияла, когда священник объявил их мужем и женой.

Энди надел ей на палец тонкое обручальное кольцо, сверкнувшее в луче солнца, а когда он наклонился, чтобы поцеловать ее, его глаза лучились таким счастьем, что мать не выдержала и расплакалась. Отец же прикладывал к глазам белоснежный платок с той минуты, когда подвел дочь к человеку, которого она полюбила. Он понимал, что теперь она уже не только их дочь... теперь она принадлежит и этому мужчине.

Новобрачные двинулись по проходу радостные и гордые, их лица светились от счастья, когда они садились в машину, чтобы ехать в клуб на торжественный обед.

И конечно, вечер получился замечательный. Танцы продолжались до шести вечера. Диане казалось, что все, кого она знала, и даже те, кого она не знала, были приглашены. К концу вечера она перетанцевала со всеми, а ее сестры просто падали от усталости, станцевав лимбо² с Энди и его братьями. Двоим близнецам и Сэмми приходилось танцевать втроем, так как Дугласов было четверо, а сестер только трое, но видно было, что Сэмми это ужасно нравится. Она была всего на год младше двойняшек, и к концу вечера они стали неразлучными друзьями. Диана с удовольствием увидела, как много сослуживцев Энди пришли их поздравить, явился даже президент радиокompании с женой; они, правда, быстро ушли, но сам факт их появления взволновал и обрадовал ее. Пришел и главный редактор ее журнала «Современный дом», он несколько раз станцевал с Дианой и ее матерью.

На смену прекрасному дню пришел великолепный вечер, именно так и должна была начаться та жизнь, о которой она столько мечтала. Все складывалось очень удачно. Энди в нужный момент вошел в ее жизнь, и они были счастливы два с половиной года. Теперь, казалось, настал самый подходящий момент для свадьбы. Они были уверены в себе, друг в друге и очень хорошо знали, чего хотят. А хотели они быть вместе, навсегда связать свои судьбы и построить семью. У них было так много общего, они могли так много дать друг другу.

Диане вдруг показалось, что такой счастливый вечер никогда больше не повторится в жизни. Она стояла и с нежностью смотрела на Энди перед тем, как пойти переодеть свадебное платье. Ей очень не хотелось снимать его, не хотелось думать, что она больше никогда его не наденет, не хотелось, чтобы настоящее становилось прошлым. Она стояла и смотрела на своего новоиспеченного мужа и мечтала бы продлить это мгновение до бесконечности.

– Ты выглядишь просто бесподобно, – прошептал он ей на ухо.

Энди не сдержался и пригласил ее еще на один – последний танец, хотя им уже было пора покинуть праздник.

– Я хочу, чтобы сегодняшний день никогда не кончился. – Она закрыла глаза и подумала, как бы это было здорово.

– Он и не кончится, – сказал Энди, еще сильнее прижимаясь к ней. – Я не дам ему кончиться. Всегда должно быть так, как сейчас, Диана... Мы должны запомнить этот день и если вдруг поссоримся...

– Что за намеки? – Она слегка отстранилась и улыбнулась, глядя ему в глаза. – Ты что, собираешься устроить мне тяжелую жизнь?

– Да, очень. – Энди усмехнулся, опять привлекая ее к себе, а она прыснула, прекрасно понимая, что он имеет в виду.

– Как тебе не стыдно! – смеясь, проговорила Диана.

– Мне стыдно? А кто бросил меня одного и пошел ночевать к родителям? Можно подумать, что ты скромная девственница...

– Только на одну ночь! Ну Энди!

² Лимбо – вест-индийский танец с элементами акробатики.

– Нет, это была не одна ночь... это была целая вечность, и ты, и я прекрасно это почувствовали. – Он прижал ее еще сильнее, коснувшись щекой прозрачной фаты, а она нежно погладила его шею кончиками пальцев.

– Да... но все равно это была одна ночь...

– Тебе теперь придется несколько недель возмещать мне эту потерю, поняла? А начнем мы... – он взглянул на часы, – начнем где-то через полчаса. – Музыка смолкла, и Энди нежно посмотрел на нее. – Ты готова?

Диана кивнула в ответ, ей не хотелось уходить, но было пора, шесть пробило уже давно, и оба они устали.

Подружки невесты поднялись с ней наверх, чтобы помочь сменить платье, и она сделала это медленно и с большой неохотой, испытывая странное чувство утраты. Мать аккуратно повесила платье и фату на специальную вешалку и ждала, когда дочь переоденется; она улыбалась, видя ее волнение. Миссис Гуди обожала своих девочек. Они доставили ей много радости в жизни, и теперь было приятно сознавать, что все они хорошо устроены и счастливы со своими мужьями.

Диана надела стального цвета костюм от Шанель, отделанный синим кантом и огромными перламутровыми пуговицами, который они с матерью выбрали накануне. Сумочка под цвет костюма и маленькая изящная шляпка прекрасно дополняли наряд. С букетом белых роз она выглядела просто шикарно, улыбаясь приближающемуся мужу.

Его глаза сияли от восхищения, и через минуту, попросив гостей продолжать веселье, они, осыпаясь рисом и лепестками роз, бежали к машине, на ходу прощаясь с родными и близкими. Молодожены пообещали звонить из Европы, и Диана поблагодарила родителей за прекрасную свадьбу.

И вот они уже мчались в лимузине, чтобы провести первую брачную ночь в огромной, окруженной великолепным ухоженным парком гостинице «Бель Эр», очень подходящей для начала романтического путешествия.

Когда машина тронулась, Энди обнял ее, и оба они с облегчением вздохнули.

– Ох, ну и денек! – Он откинулся на сиденье и посмотрел на нее с участием. – Слушай, ты была шикарной невестой! – Теперь это звучало немного странно, ведь все было позади.

– Ты тоже был великолепен. – Диана улыбнулась. – И вообще вечер получился отличный.

– Вы с мамой проделали грандиозную работу. Многие из моих коллег утверждают, что не видели подобного даже в кино.

Действительно, свадьбу можно было назвать счастливой, красивой, сердца всех присутствующих были наполнены любовью к молодым, и никто бы не сказал, что она была «показной».

– Твои сестрички разгулялись не на шутку. Когда вы собираетесь втроем, с вами, наверное, не справиться. – Он дразнил ее, и она решила подыграть, притворившись, что рассердилась:

– Это с нами-то не справиться! С нами! Это вы, братья Дугласы, вели себя не лучшим образом!

– Не говори глупостей. – Энди уставился в окно как ни в чем не бывало, но молодая жена не собиралась на этом прекратить разговор.

– Я говорю глупости? А как называется то, что вы все четверо отплясывали модные танцы, да еще с кем? С моей мамой!

– Я такого что-то не припомню. – Он не мог больше притворяться серьезным, оба не выдержали и рассмеялись.

– Ага, ты напился!

– Как ты догадалась? – Энди притянул ее к себе, и их губы слились в поцелуе, таком долгим, что, когда он выпустил ее, они оба тяжело дышали. – Боже... я мечтал об этом целый день! Слушай, я не смогу дождаться, когда мы окажемся в номере, и я сейчас начну срыгивать с тебя одежду.

– Мой новый костюм? – Диана притворилась испуганной, и он улыбнулся.

– Да, и эту симпатичную шляпку тоже. Между прочим, она тебе очень идет.

– Спасибо.

Они сидели, взявшись за руки, на заднем сиденье, весело болтали, и оба чувствовали что-то новое, вошедшее в их отношения. Смешно сказать, но они вздрагивали, как будто прикасались друг к другу в первый раз, и им казалось, что их любовь стала ярче, полнее, многограннее.

В отеле служащий провел их по дорожке в основное здание, и молодые понимающе улыбнулись друг другу, заметив небольшое объявление об ужине в парке отеля в честь бракосочетания молодых людей по фамилии Мейсон и Винвуд.

– Да, сегодня день торжеств, – шепнул Энди, и она улыбнулась в ответ. Они умиленно смотрели на сад, на плавающих в пруду лебедей, а номер, куда их провели, приятно поразили их. Огромная гостиная, обстановка которой была сдержанной и солидной, и чудесная спальня, отделанная шелковыми французскими обоями в мелкий цветочек на розовом фоне, перемешанными с розовым шелком. Лучшего места для первой брачной ночи нельзя было пожелать, да еще в гостиной был камин, и Энди сказал, что, если ночью будет прохладно, его можно будет зажечь.

– Какая красота! – воскликнула Диана, когда за коридорным мягко закрылась дверь.

– А ты еще прекрасней. – Он снял с нее шляпку и кинул на стол. Осторожно распустив ей волосы, Энди погрузил в них руки и погладил ее шею и плечи: – Ты самая красивая женщина в мире... и ты теперь моя... навсегда... навсегда...

Он говорил как ребенок, рассказывающий сказку, но это была сказка их жизни. И прожили новобрачные долго и счастливо...

– Ты тоже теперь мой, – попыталась возразить Диана, но это было ни к чему, так как он не возражал против того, чтобы принадлежать ей.

Пока они целовались, великолепный новый костюм расстегнулся как будто сам собой, жакет оказался на полу, а Диана – на кушетке, и через минуту одежда Энди очутилась рядом. Вещи так и оставались лежать разбросанными по полу, пока Диана и Энди отдавались друг другу в первый раз как муж и жена. Их телами руководили страсть и желание; они забывались в экстазе и стонали от наслаждения, а потом, когда все закончилось, еще долго лежали, не выпуская друг друга из объятий.

Между тем солнце склонилось к горизонту, и комнату освещали только длинные розово-оранжевые лучи, а они все лежали, гадая о том, какой будет их совместная жизнь.

– Я в жизни не был так счастлив, как сегодня, – мягко проговорил он.

– Я хочу, чтобы ты теперь всегда был счастлив, – прошептала Диана, – я постараюсь все сделать для этого.

– Я надеюсь, что мы оба будем счастливы, – добавил Энди и, легко перебросив через нее длинные ноги, встал и подошел к окну.

Белые и черные лебеди неторопливо скользили по гладкой поверхности озера, окруженного зелеными лужайками. Какие-то люди в вечерних туалетах собирались на площадке, расположенной прямо перед их окнами, и тишину нарушали голоса и смех.

– Это, должно быть, та свадьба – Мейсон и Винвуд, – предположила Диана. Она вдруг подумала, что, может быть, сейчас они зачали ребенка. Любопытно, как скоро после свадьбы Диана забеременеет? Обе ее сестры зачали своих первенцев во время медового месяца, и молодую женщину охватило приятное предчувствие, что с ней произойдет то же самое.

Она поднялась, подошла к мужу и, выглянув в окно, увидела молодую женщину в коротком свадебном платье, которая быстро спускалась по дорожке, придерживая одной рукой короткую фату, а в другой сжимая небольшой букет; ее сопровождала девушка в красном платье, скорее всего подружка невесты.

Невеста была, очевидно, одних лет с Дианой, довольно привлекательная, чувственная крашенная блондинка, платье шло ей, но выглядело не очень дорогим. Ее взволнованный вид тронул молодоженов до глубины души. Это было им так знакомо, что они от всего сердца пожелали невесте, спешившей на собственную свадьбу, найти свое счастье.

* * *

– Барби, скорее. Нас уже все ждут.

Джуди поторопила свою подругу, когда та споткнулась на своих высоченных каблуках.

– Подожди... сейчас, да не волнуйся ты так, детка. – Джуди подала ей руку, помогая удержать равновесие, и вскоре они очутились среди гостей.

Барбара глубоко вздохнула, пытаясь справиться с волнением, а Джуди тем временем подавала знаки шаферу, спрашивая его одними губами: «Пора?» Тот качнул головой и показал пять пальцев, значит, у них было в запасе немного времени. Джуди и Барбара подружились совсем недавно. Обе были актрисами и год назад приехали в Лос-Анджелес из Лас-Вегаса, где работали танцовщицами. Чтобы сэкономить на квартире, они решили поселиться вместе.

Джуди по приезду в Лос-Анджелес успела сняться в двух небольших ролях, поработать манекенщицей и даже чуть было не занялась коммерцией. Барби посчастливилось получить партию в хоре, когда по городу шла повторная постановка «Оклахомы», потом она пыталась устроиться в какой-нибудь дешевой оперетке, но безуспешно. Тогда она пошла работать официанткой. Ей удалось найти место в приличном кафе под названием «Хард Рок», она нашла его еще год назад, когда только приехала в Лос-Анджелес, теперь там работала и Джуди. И именно там они обе познакомились с Чарли.

Причем Джуди познакомилась с ним первая, но они быстро сообразили, что не подходят друг другу. Им даже не о чем было поговорить. Тогда Чарли переключил свое внимание на Барби, с которой мог болтать часами. Он завтракал в кафе почти каждый день, пока не решил пригласить Барби на свидание. Было бы проще уговорить Джуди, она бы пошла на это не задумываясь, так как была менее разборчива, но Чарли нравилась именно Барби.

Они встретились всего четыре раза, но молодой человек понял, что по-настоящему влюбился, однако он был слишком робок и боялся, что у него никогда не хватит смелости признаться в этом. Он стал избегать встреч, но вскоре понял, что не сможет жить без Барби. Тогда он позвонил Джуди и договорился о встрече. Ему хотелось посоветоваться с ней и вывести, что Барби думает о нем.

– Дурачок, она от тебя просто без ума.

Джуди была поражена, что мужчина в двадцать девять лет может быть таким неискленным. Ей никогда не приходилось встречать такого человека, да и Барби наверняка тоже. Не сказать, чтобы он был красив, – скорее по-мальчишески привлекателен.

– Откуда ты знаешь, что я ей нравлюсь? Она что-нибудь тебе говорила? – допытывался он у Джуди. Но та только смеялась над ним.

– Да потому что я знаю ее лучше, чем ты. – Джуди знала, что он, со своей простотой и серьезным отношением к жизни, нравится ее подруге. Она знала также, что Чарли неплохо обеспечен, потому что когда-то он водил ее в дорогие рестораны. Он работал консультантом в одной крупной текстильной компании, прилично зарабатывал и мог позволить себе пригласить девушку в хороший ресторан, и вообще для одинокого парня он вел довольно

обеспеченную жизнь. Дорогие вещи имели для него определенное значение; выросший в нищем районе Нью-Джерси, Чарли высоко ценил тот уровень, которого достиг. Для этого ему пришлось основательно потрудиться, и он заслужил свое нынешнее положение. – Она считает, что ты шикарный парень, – добавила Джуди, а про себя подумала, что ей стоило самой в свое время подцепить его на крючок, но, внимательно присмотревшись к Чарли, она все-таки отмела эту мысль. «Нет, все-таки он не в моем вкусе», – окончательно решила она.

Джуди была довольно бесшабашна и обожала всякого рода авантюры, а Чарли был для нее слишком серьезен. Он был хорошим парнем, но в ее вкусе были мужчины побойчее. Она мечтала, конечно, встретить человека, за которого могла бы выйти замуж, но понимала, что такой тип, как Чарли, наскучил бы ей очень скоро. Барбара – совсем другое дело. Джуди знала, что она выросла в маленьком провинциальном городке, оканчивая школу, победила на конкурсе красоты «Мисс Солт-Лейк-Сити», а потом у нее произошла какая-то ссора с родителями, и она, можно сказать, сбежала от них в Лас-Вегас. Барби хотела добраться и до Нью-Йорка, но это было слишком далеко от Солт-Лейк-Сити, где она выросла. Вегас все-таки был поближе. Многие мужчины проявляли к ней интерес, но, несмотря на все те трудности и лишения, которые выпали на ее долю, Барби смогла сохранить в себе какую-то детскую чистоту и неиспорченность, за что Чарли и полюбил ее. Он ей тоже нравился. Своей наивностью он напоминал ей тех мальчишек, которые пытались ухаживать за ней в школе, и разительно отличался от тех мужчин, которые попадались ей в Лас-Вегасе и Лос-Анджелесе. Тем подавай все: начиная с денег и заканчивая сексом. Чарли же ничего не требовал, он только хотел быть с ней рядом и баловать ее; конечно, такое отношение не могло не нравиться. Тем более что он не был уродом, хотя его и нельзя было назвать красавцем. Рыжеволосый, с голубыми глазами, с худощавым телом, буквально каждый дюйм которого был покрыт веснушками. В его облике было что-то юношеское. Многие женщины видят в этом своеобразную прелесть и привлекательность, и Барбара не стала исключением. Иногда ей казалось, что замужество решило бы все ее проблемы.

– А почему ты сам не скажешь ей, что думаешь? – поддразнила его тогда Джуди, и вдруг, через три недели после этого разговора, они объявили о своей помолвке.

А еще шесть месяцев спустя Барбара стояла у живой изгороди в парке отеля «Бель Эр», ожидая сигнала к началу своей свадьбы.

– Как ты, о'кей? – Джуди внимательно взглянула на нее. Барби стояла, нервно переминаясь с ноги на ногу, как испуганная лошадка перед стартом.

– Мне кажется, меня сейчас вырвет.

– Только посмей! Ты испортишь свадебное платье. И не верти головой... Я два часа потратила на то, чтобы уложить фату... Я убью тебя!

– Ну ладно, ладно... Господи, Джуди, я уже слишком стара для подобных вещей.

Барби исполнилось тридцать, и она была на год старше Чарли, но иногда ей казалось, что она старше его на целую вечность. Но когда она накладывала на лицо легкую косметику и подбирала волосы в хвостик – казалась совсем юной. Она познала в жизни гораздо больше, чем довелось пережить Чарли, и чувствовала себя слишком искушенной. Только Чарли смог разглядеть всю красоту, скрытую под этой слегка потускневшей оболочкой. Только он смог извлечь на свет ту часть ее души, которая, казалось, уже давно умерла. Он приглашал ее к себе на квартиру, предварительно приготовив что-нибудь вкусненькое; они могли бродить целыми днями по городу; он был единственным, кто говорил о том, что хочет познакомиться с ее семьей, но она только качала головой в ответ и никогда не отвечала на вопросы о родных. Она вообще не любила говорить о своих, только повторяла, что никогда не вернется в Солт-Лейк-Сити, и действительно никогда не собиралась этого делать.

Однажды Джуди наблюдала, как Барбара прямо-таки пришла в ярость, когда в квартиру, где они жили, заявили два мормонских миссионера и попытались внушить, что она

должна вернуться в лоно церкви и родной город. Она захлопнула дверь перед их носом и кричала, чтобы они больше никогда не приходили сюда. В общем, она решила вычеркнуть из своей памяти все, что было связано с Солт-Лейк-Сити. Чарли знал только, что у нее было восемь братьев и сестер и около двадцати племянников и племянниц, и он прекрасно понимал – то, что случилось, было не просто семейной размолвкой, а чем-то гораздо более серьезным, но Барби наотрез отказывалась обсуждать эту тему.

Чарли же не старался скрыть свое прошлое, хотя ему самому было известно немного. Он знал о себе, что родился на маленькой железнодорожной станции, как было записано в его документах, и воспитывался в нескольких сиротских приютах штата Нью-Джерси. Потом он сменил еще несколько детских домов, и дважды его хотели усыновить, но он был довольно нервным ребенком, подверженным приступам аллергии, кожа Чарли зудилась от сыпи, а к пяти годам развилась жесточайшая астма. К счастью, с возрастом болезни прошли, и даже астму удавалось держать под контролем, но к тому времени, когда это произошло, он уже вышел из того возраста, когда его кто-нибудь мог усыновить.

Когда ему исполнилось восемнадцать, он ушел из детского дома, добрался на автобусе до Лос-Анджелеса и обосновался там. Он сумел окончить вечерний колледж, и теперь его мечтой было поступить в школу бизнеса, что позволило бы найти работу получше и содержать семью, о которой он мечтал. Встретив Барби, он решил, что его сон становится явью. Он хотел жениться на ней, купить хороший дом, в котором бы появились дети, похожие на нее. Чарли сказал ей однажды об этом, но она, улыбаясь, возразила:

– Будет гораздо лучше, если наши дети будут похожи на тебя!

Барби была очень симпатичной, и фигура у нее была замечательная, но она никогда не задумывалась о себе и о своей внешности, пока не встретила Чарли. Он был так добр, так предусмотрителен, так не похож на тех мужчин, которых она знала раньше, и все же иногда ей хотелось, чтобы он не так сходил по ней с ума. Направляясь в Лос-Анджелес, она думала, что ей удастся познакомиться с каким-нибудь актером, может быть, даже знаменитым. А вместо этого влюбилась в Чарли. И сейчас ей иногда казалось, что если бы она с ним не познакомилась, то до сих пор еще мечтала бы о принце. Барби брала Чарли с собой, когда отправлялась покупать новую одежду, и старалась знакомить его с последней модой; она таскала его на джазовые концерты, но в конце концов вынуждена была согласиться с ним, что все это глупо. У него был свой собственный стиль, в одежде он предпочитал спокойные тона; его волосы, если он начинал их отращивать, смешно торчали во все стороны, поэтому он стриг их коротко; кожа Чарли никогда не покрывалась загаром, а только краснела и шелушилась от солнца, как у большинства рыжеволосых людей.

– Что ты во мне нашла, я ведь далеко не красавец, – заявил он как-то серьезным тоном, после того как они закончили обедать.

Это были его фирменные блюда: трубочки из теста с мясом и сыром, *osso bucco* и крупно нарезанный зеленый салат. Он научился готовить все это в одном из приютов, и, когда рассказал ей об этом, ее сердце наполнилось нежностью. Вообще иногда Барби казалось, что она действительно любит его, но иногда на этот счет у нее возникали сомнения. Так все-таки нужен ли ей Чарли? Действительно ли она его любит? Или он просто выгодная и удобная партия? Да, она понимала, что за ним она будет как за каменной стеной, но с кочевой, полной приключений жизнью ей придется расстаться.

Никогда еще цель ее жизни не стояла перед ней так ясно и не была столь близка. Раньше, принимая решение, результат его она всегда видела так туманно, цена была невероятно высока, а риск потерять все – слишком велик... Так было всегда, но не в случае с Чарли. Он готов был дать ей то, о чем она мечтала долгие годы... Спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, домашний очаг и заботу о ней. И никаких проблем, не надо будет с ужасом думать о том, что опять нечем заплатить за квартиру, бояться, что дела пойдут хуже и ей

придется опять устраиваться на работу в какое-нибудь дешевое шоу. Единственное, что ее по-прежнему прельщало, это карьера актрисы, но, чтобы ступить на этот путь, ей был нужен шанс. И она не была уверена, что получит его, выйдя замуж за Чарли. Сможет ли она работать? Он говорил, что не будет возражать против работы и карьеры. И в то же время твердил о детях, а уж это никогда не входило в ее планы: ни раньше, ни теперь, ни в будущем, ни с ним и ни с кем и, может, вообще никогда. Конечно, она не говорила ему об этом. А что, если ей подвернется шанс? Что, если она получит роль в каком-нибудь сериале или даже главную роль в кино? Зачем тогда эта спокойная жизнь? С другой стороны, если этот шанс так и не подвернется?... Да, тогда ей хотя бы не придется обхаживать клиентов в этом опостылевшем кабаке. А может, ее жизнь не так уж плоха?

Иногда Барби было грустно думать о том, что ее надо менять, но в то же время она понимала, что пора позаботиться о себе. Уроки, которые дала ей жизнь в мормонской семье, были совершенно неприемлемы, и она предпочла бы никогда больше не сталкиваться ни с чем подобным.

Чарли же надежен и обаятелен, так убедителен в своих доводах, что в конце концов она не выдержала, поддалась на его уговоры и убедила себя, что действительно любит его. Но теперь, в эту решительную минуту, все сомнения захлестнули ее с новой силой. А что, если она совершает ошибку? Что, если уже через пару лет, а может, и того меньше, они поймут, что не любят друг друга?

– Что же я буду делать, если пойму, что не люблю его? – прошептала она на ухо Джуди.

– Тебе не кажется, что сейчас уже поздно думать об этом? – ответила Джуди, одергивая свое красное гипюровое платье.

У Джуди были длиннющие ноги и немыслимых размеров грудь. Она увеличила ее с помощью операции, которую сделал ей один знакомый врач в Лас-Вегасе. Он потрудился на славу: все, кого она знала, говорили, что она выглядит потрясающе. Все, кроме Барби, которая считала, что это глупо – покупать себе сиськи, но у нее-то самой грудь была большая и упругая и, главное, своя, хотя: «Черт возьми, чем она издали отличается от моей?» – частенько думала Джуди.

Фигуру Барби можно было назвать идеальной: ее высокий бюст контрастировал с такой тонкой талией, что, когда Чарли обхватывал ее ладонями, его пальцы почти смыкались. Она была невысокой, а ноги – длинными и стройными. Ее сексапильность была настолько очевидной, что, надень она на себя хоть рубище, взгляды мужчин все равно были бы обращены на нее. И теперь, одетая в короткое облегающее атласное белое платье, она выглядела очень сексуально и в то же время на удивление невинно.

– Слушай, тебе не кажется, что платье слишком узкое? – Барби опять нервно взглянула на Джуди. Ей казалось, что они ждут уже целую вечность. И чего они не расписались в городской ратуше? Это все Чарли, он заявил, что свадьба должна быть «настоящей».

Свадебная церемония для него значила очень много, и она вынуждена была примириться с этим ради него. Ей бы гораздо больше радости доставил уик-энд где-нибудь в Рено. Но Чарли все распланировал и пригласил всех своих друзей. У них было шестьдесят гостей, а отель считался чуть ли не самым дорогим в Лос-Анджелесе, ну разве что «Беверли-Хиллз» был дороже. Барби говорила ему об этом, да где там, он и слышать ничего не хотел; им пришлось заказать самую простую церемонию и самое дешевое меню, но Чарли заявил, что свадьба должна состояться здесь, пусть даже после этого им придется долго экономить на всем. «Ты заслуживаешь этого», – убеждал он Барби.

– Слушай, оставь в покое платье, оно в полном порядке. – Джуди оглядела подругу и призналась себе, что та действительно здорово выглядит. Чертовски взволнованна, но очень мила! – Все будет в порядке, детка! Ради бога, расслабься!

Она уже сама начала немного волноваться, думая, уж не случилось ли чего, когда наконец появился шафер, и тут же заиграла музыка. Из музыкантов Чарли пригласил басиста, виолончелиста и электроорганиста.

Они заиграли «Вот идет невеста», и Джуди устремила взгляд на небольшую беседку, специально выстроенную для таких случаев. Чарли где-то разыскал священника, который не слишком интересовался мормонским прошлым Барби.

Наконец Марк, шафер, подошел к ней и, отечески улыбаясь, подал руку. Этот толстяк, вдвое старше Чарли, был его наставником по работе в течение последнего времени, и молодой человек считал его чуть ли не отцом. Несмотря на свою тучность, он выглядел молодо, только сеточка морщин начиналась в уголках глаз и, пересекая виски, скрывалась под тщательно расчесанными седыми волосами.

Вид у него был торжественный и серьезный. Он подал руку невесте, и они двинулись по направлению к беседке.

– Удачи тебе, Барбара... Вот увидишь, все будет хорошо. – Он похлопал ее по руке, и она изо всех сил старалась не думать в этот момент о своем отце.

– Спасибо, Марк.

Марк не только согласился быть шафером и вести невесту к алтарю. Он еще обеспечил шампанское, так как его шурин был знаком с одним оптовиком из Напской долины. Марк от всей души хотел, чтобы они были счастливы. Сам он давно развелся и имел двух взрослых дочерей: одна была замужем, а другая еще училась в колледже.

Они под руку с Марком начали спускаться по проходу, и Барбара старалась не думать о том, что ждет ее впереди, о том, что принесет ей эта свадьба и что за жизнь последует за ней.

И вдруг перед ней появился... Чарли... Со счастливой улыбкой на лице, нарядный и взволнованный, он выглядел совсем молодо. В белом смокинге он был похож на мальчишку, который, собираясь на школьный вечер, позаимствовал костюм в гардеробе отца. И его вовсе не надо было бояться, и не было ничего страшного в том, чтобы соединить свою жизнь с его.

Марк сжал ей руку и слегка подтолкнул к жениху, и Барби вдруг поняла, что все ее страхи – просто глупость, если она выйдет за Чарли, жизнь ее будет спокойной и счастливой. Она вдруг осознала, что никакой ошибки не делает, становясь его женой.

– Я люблю тебя. – Чарли посмотрел на нее с нежностью, а она стояла как зачарованная, не в силах отвести взгляд, и волна любви и благодарности захлестнула ее. Он делал ей подарок, о котором она не смела и мечтать, подарок, который ей никто никогда не предлагал. Этим подарком будет совершенно новая и спокойная жизнь. Он подарит ей эту жизнь и ничего не потребует взамен, и их счастье будет длиться вечно.

Ей вдруг стало мучительно стыдно за свои страхи и сомнения, за то, что она так долго колебалась, принимая решение, которое оказалось самым правильным в ее жизни. Чарли, и только он, был теперь ее мужчиной, ее другом, ее мужем, и какая же она была глупая, мечтая о чем-то большем. Ей уже тридцать, и наверняка тот принц, которого она ждала все эти годы, нашел себе принцессу где-нибудь на другой планете. Чарли Винвуд – вот ее принц, и ей нужен только он.

– Чарли, я люблю тебя.

Он надел ей на палец обручальное кольцо, а когда наклонился, чтобы поцеловать, у него в глазах стояли слезы. И Барби обняла его и изо всех сил прижала к себе, как будто пытаясь избавиться от одиночества и печали, которых он столько хлебнул в жизни.

– А я, я люблю тебя так... так... – Он умолк, не находя слов.

– Чарли, я обещаю тебе, что буду хорошей женой... Я правда буду стараться...

– Я знаю, моя дорогая, ты будешь просто замечательной женой. – Он улыбнулся и налил ей бокал шампанского.

А потом они танцевали на небольшой танцплощадке посреди лужайки, время от времени подходя к буфету, чтобы подкрепиться.

Вечер получился что надо, веселились все, а особенно жених с невестой, шампанское «От Марка», как они его называли, было замечательным, и это послужило великолепным поводом к тому, чтобы им всем напиться, причем молодожены не были исключением. Марк тоже казался довольным, он почти все время танцевал с Джуди. Все были крайне возбуждены, и маленький оркестрик беспрерывно играл быстрые мелодии наподобие «Когда святыя маршируют» и «Хава Нагила».

В конце концов оркестр заиграл медленную мелодию, чтобы все хоть немного успокоились, так как вечер уже приближался к концу. Когда зазвучала «Лунная река», Марк пригласил невесту, в то время как Джуди пошла танцевать с женихом.

– Ты прекрасно выглядишь, Барби. – Они с Марком медленно вальсировали по площадке. Вечер был чудесный, теплый, все небо усыпано звездами. – Вы оба заслуживаете счастья, я просто уверен, что вы созданы друг для друга. – Говоря это, он сделался вдруг очень серьезным и добавил: – Очень надеюсь, что у вас будет много прелестных ребятишек.

– Как вы можете так уверенно говорить? – рассмеялась Барби, у которой голова кружилась от счастья и выпитого шампанского.

– Девочка, поверь, я уже много повидал и кое-что понимаю в этой жизни. Кроме того, я знаю, что Чарли хочет иметь детей.

Она тоже это знала, но уже сообщила Чарли, что хочет повременить с этим несколько лет. Он не принял ее слов всерьез, они не стали обсуждать эту тему, а решили, что поговорят об этом позже. Чарли не мог и предположить, что вопрос о детях был единственным беспокоящим ее в данный момент. Как только Марк заговорил об этом, настроение у Барби тут же упало.

– Можно разбить вашу пару?

Чарли оттеснил Марка, и тот подхватил Джуди. Это был последний танец, и жених захотел танцевать его со своей невестой. Они медленно заскользили под плавную музыку, оба были слегка пьяны, и Барби казалось, что все происходит будто во сне. Гости были также изрядно навеселе.

– Тебе понравился вечер? – спросил Чарли, уткнувшись лицом в ее шею и чувствуя прикосновение ее груди. Всегда, когда он приближался к ней, его бросало в дрожь, и ей это нравилось. Она же никогда не говорила ему «нет», что бы он ни делал; она была хорошим другом и чертовски сексуальной партнершей. И новоявленный муж чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

– Все было просто замечательно, – сказала Барби, блаженно улыбаясь.

– Ты знаешь, это была лучшая свадьба в моей жизни. – Они были почти одного роста, и, когда вот так смотрели, улыбаясь, друг другу в глаза, им казалось, что весь мир принадлежит им двоим.

– Ну знаешь, это не ответ. – Она притворилась обиженной, и Чарли притянул ее к себе еще ближе.

– Барби, дорогая... я так счастлив... и надеюсь, что и ты тоже... Ты понимаешь, сегодня исполнилась мечта всей моей жизни. – У него было приятное чувство, что он заложил основу того, о чем всегда мечтал, но никогда не имел: любви, тепла, домашнего очага, семьи.

– Я знаю, милый. – Руки ее безвольно опустились, когда он коснулся ее губ. Единственное, чего хотела она, – оказаться с ним на берегу океана в Вайкики. Утром они уезжали на Гавайи, а свадебную ночь собирались провести у Чарли. Хорошо бы, конечно, было провести ее здесь, в одном из роскошных номеров отеля, но на это у них не хватало денег. Впрочем, Барби это уже не волновало, она и так знала, что никогда в жизни не забудет этот вечер.

* * *

В эту ночь в Санта-Барбаре небо тоже было безоблачным и звездным. Собравшиеся на торжественную церемонию гости наблюдали, как Пилар Грэхем и Брэдфорд Колеман скрепляют свой союз долгим поцелуем. Наконец они оторвались друг от друга и сияющими, счастливыми глазами обвели собравшихся. Марина Голетти, судья, возглавлявшая церемонию, объявила их мужем и женой, и тогда все весело зааплодировали и начали подходить к молодоженам, поздравляя и желая им счастья.

– Почему вы не сделали этого давным-давно? – допытывался один из друзей Брэда.

– Мы тщательно готовились к семейной жизни, – парировала Пилар.

Невеста была одета в шелковое платье, плотно облегавшее ее высокую, стройную фигуру. Каждый день она плавала и проделывала целый комплекс специальных упражнений, и Брэдфорд не уставал повторять, что тело у нее, как у молодой девушки. Она была действительно красивой женщиной, и ее гордостью были прямые, необычайно густые волосы, спадающие на плечи.

– Тринадцать лет не слишком ли большой срок для подготовки? – поинтересовался кто-то из гостей.

Одна из ее коллег по суду, Алиса Джексон, улыбнулась:

– Мы так рады, что вы с Брэдом наконец решились пожениться.

– Да, – вмешался другой ее сослуживец, Брюс Хеммингс, – я-то знаю, что вам обоим ни к чему разговоры теперь, когда Брэд стал судьей.

– Ты совершенно прав, дружище, – раздался глубокий голос Брэда, а его рука легла ей на плечо, – я не желаю, чтобы кто-нибудь обвинил Пилар в том, что она спит с судьей, чтобы завоевать его снисхождение во время слушания дел.

– Можно подумать, мне это очень надо! – поддразнила она, откидываясь назад и прижимаясь к нему хорошо знакомым им обоим движением.

Глядя на них, никто не мог бы сказать, что эти двое когда-то, в течение трех лет, были заклятыми врагами. Пилар окончила юридический факультет, приехала в Санта-Барбару и получила место защитника в городском суде, где Брэд был обвинителем. Слушание любого дела в зале суда превращалось для них в настоящее сражение. Ее просто бесили его идеи и убеждения, его взгляды и высказывания, вся его манера вести процесс безжалостно и настойчиво, до тех пор, пока он или выигрывает его, или вконец не измучает присяжных.

Не один раз они, неудовлетворенные ходом разбирательства, продолжали отстаивать друг перед другом свою точку зрения после закрытия заседаний. Их постоянно призывали к порядку в зале суда, и Пилар однажды чудом избежала ночи в тюрьме по требованию присяжных за то, что назвала Брэда негодяем в присутствии судьи. Но ее гневный выпад так позабавил Брэда, что он решил пойти на примирение с ней и даже больше того, пригласить ее пообедать, как только закончится заседание. Что он и сделал, когда они вышли из здания суда.

– Вы что, ненормальный? Разве вы не знаете, какого я о вас мнения? – Пилар все еще пылала гневом, вспоминая о том, как он ловко провел это дело об изнасиловании, добившись максимально строгого наказания для ее подзащитного. – Вы просто проголодались, поэтому приглашаете меня составить вам компанию, чтобы насладиться своим триумфом подольше.

– Ваш подзащитный виновен, и вы это прекрасно знаете.

Она знала это и переживала по этому поводу. Но Пилар прекрасно понимала, что кто-то должен был защищать этого подонка, это не зависело от его или ее желания, в конце концов, это была ее работа, она должна делать ее, и плевать ей, нравится это Брэду Колеману или нет.

– Я не собираюсь обсуждать с вами виновность или невиновность моих клиентов, мистер Колеман. Это было бы ошибкой. Вы за этим приглашаете меня на обед? Вы думаете, что я проболтаюсь о чем-нибудь, что вы потом сможете использовать против меня? – Пилар была ужасно зла на него и не понимала, почему все считают его привлекательным. Однако он был первым красавцем у себя в прокуратуре. Ему было под пятьдесят, и его седина была белоснежной. Все женщины, работающие в суде, с которыми она общалась, постоянно болтали о том, как он красив и сексуален. Но Пилар Грэхем никогда не обсуждала этот вопрос, поскольку этот человек интересовал ее только с деловой стороны.

– Я бы никогда до этого не опустил, – спокойно ответил ей Брэд Колеман, – и мне кажется, вам это прекрасно известно. А вот чего я действительно хочу, это чтобы вы работали у нас, а не в адвокатуре. Мне иногда очень хочется, чтобы мы с вами были на одной стороне. Вы знаете, мы с вами смогли бы разнести в пух и прах любую оппозицию.

Ее тогда позабавили его слова, но обедать с ним она не пошла. Пилар слышала, что Брэд Колеман вдовец, что у него есть дети и что он хорош во всех отношениях. Но она видела в нем только своего оппонента и долгое время не представляла его в другом качестве.

Спустя некоторое время они должны были представлять противодействующие стороны в шумном деле, которое попало во все газеты. Это было жестокое убийство, репортеры, к сожалению, пронюхали о нем очень скоро, и процесс получился невероятно грязным и отвратительным. Подсудимая – молодая девушка – обвинялась в убийстве любовника своей матери. Она утверждала, что тот пытался изнасиловать ее, но следствием это установлено не было, и мать дала показания против нее.

Процесс был долгим, тяжелым, позиции судей непреклонными. Вдруг во время одного из заседаний Брэдфорд Колеман поднялся со своего места и направился прямо к Пилар. Подойдя, он спокойно заявил, что благодаря кое-каким новым данным он пришел к выводу, что ее клиентка невиновна. Он попросил у судьи перерыв, после которого встал на защиту девушки и с таким мастерством и легкостью доказал ее невиновность, что, Пилар всегда это повторяла, ее освободили только благодаря ему. Вот тогда-то они и пообедали вместе в первый раз, хотя были знакомы уже три года. Этим двоим ничто в жизни не давалось легко и просто.

Его детям в то время было тринадцать и десять. Старшая, Нэнси, и десятилетний Тэдди невзлюбили Пилар с первого взгляда. Их мать умерла около пяти лет назад, и с тех пор они владели отцом полностью и безраздельно. Дети и мысли не допускали, что отец может увлечься другой женщиной, поэтому, понимая, что у отца с Пилар завязываются дружеские отношения, всячески старались помешать этому. Видно было, что Брэд огорчен этим до глубины души, и ей было искренне жаль его. Она понимала, что ему нужен кто-то, помимо работы и детей, пусть это будет даже не она, а другая женщина. И чем больше она его узнавала, тем большим уважением к нему проникалась. На нее производили впечатление его ум, талант, доброта, а также удивительная открытость, искренность и неизменное чувство юмора. Он был, оказывается, еще лучше, чем про него говорили.

А поняв это, Пилар вдруг обнаружила, что влюблена в него по уши, да и он тоже был от нее без ума, и перед ними возникла проблема, как быть с детьми.

– Но, помимо детей, существует еще одна проблема, Брэд... Как насчет работы? Я теперь не смогу выступать на процессах против тебя... ты же понимаешь, это как-то неприлично... и не очень хорошо для нас обоих...

В конце концов он согласился с ней после очередного процесса, на котором им пришлось схлестнуться не на шутку. Пилар ушла из суда, стала практиковать частным образом, и это ей понравилось. Он тоже практиковал время от времени, жизнь была насыщенной, и наконец даже дети привыкли к их отношениям. А потом постепенно его дочь и сын даже полюбили ее. Для них это была долгая война, и длилась она целых три года, но в конце кон-

цов они выиграли ее, и, когда Нэнси исполнилось шестнадцать, а Тэдди – тринадцать, Пилар Грэхем сошлась с Брэдфордом Колеманом.

Они переехали в Монтечито, купив там дом. Дети выросли: Нэнси уехала учиться в колледж, а Тэдди – в школу-интернат. Друзья поговаривали о том, что пора бы им пожениться. Но сами они считали, что вполне могут обойтись без этого. У них были его дети, и Пилар никогда не хотела иметь своих собственных. А что касается документа, где было бы записано, что они муж и жена, то ей лично он был ни к чему, потому что другого мужа в ее сердце не было.

Так они прожили в свое удовольствие тринадцать лет, и вот, когда Брэду исполнился шестьдесят один год, а ей – сорок два, его назначили главным судьей верховного суда Санта-Барбары. И они поняли, что для него может обернуться скандалом то, что он живет с женщиной, не будучи с ней зарегистрирован. Тем более что пресса уже потихоньку взялась за них.

Они как раз прочитали одну из таких заметок за завтраком, и Пилар спросила с несчастным видом:

– Как ты думаешь, может, мне лучше переехать?

Он откинулся на спинку стула, держа в руке «Таймс» и умиленно глядя на нее. Брэд смотрел на нее так уже в течение тринадцати лет, и в свои сорок два она была так же мила, как в двадцать шесть, когда в первый раз вошла в зал суда в качестве его оппонента.

– Тебе не кажется, что это будет слишком?

– Да, но я не хочу, чтобы у тебя были проблемы. – Она выглядела совсем удрученной, наливая по второй чашке кофе.

– Неужели вы не видите более пристойного выхода из создавшейся ситуации, советник? Я, например, вижу.

– Какой? – Пилар напряглась. Она не могла понять, что он имеет в виду.

– Я очень рад, что вы не являетесь моим адвокатом, мисс Грэхем. Вам никогда не приходило в голову, что мы можем просто пожениться? Но, конечно, если это решение для вас неприемлемо, то мы можем оставить все как есть. В конце концов, судьи тоже люди, и они имеют право жить с кем хотят. И я не думаю, что газетчики смогут раздуть из этого факта скандал, который испортил бы мою карьеру.

– Я думаю, что это все равно может повредить тебе. – Его репутация была настолько безупречной, что было бы просто глупо испортить ее таким пустяком.

– Так как насчет женитьбы?

Пилар долго молча смотрела в окно на море:

– Я даже не знаю... Я никогда всерьез об этом не думала... во всяком случае, не в ближайшее время... А ты?

– Нет, потому что ты никогда не хотела этого, но это не значит, что этого не хотел я.

Он всегда хотел жениться на ней, но Пилар настаивала на том, что им следует оставаться свободными, чтобы чувствовать себя двумя самостоятельными личностями, идущими по жизни бок о бок, а не единым целым, когда двое, как она любила выражаться, «заглатывают» или «пожирают» друг друга. В начале их совместной жизни еще все можно было свалить на детей, но только не теперь. Нэнси вышла замуж год назад, между прочим, ей было уже двадцать шесть, да и Тэдди в свои двадцать три года – взрослый мужчина! – работал в Чикаго.

– Ну что страшного в том, что мы поженемся? – Он слегка улыбался, наблюдая, как нерешительность отражается на ее лице.

– Это в наши-то годы? – Она выглядела настолько изумленной, как будто он предложил что-нибудь совершенно немыслимое, например совершить прыжок с парашютом.

– А что, сейчас на это дело существуют возрастные ограничения? Я почему-то не в курсе. – Он явно ее поддразнивал, и Пилар улыбнулась.

– Хорошо, хорошо, – она тяжело вздохнула, – но... но я правда не знаю... просто я немного боюсь. Нам было так хорошо все эти годы, а теперь надо что-то менять... А вдруг эта перемена все испортит?

– Вот ты всегда так говоришь. Но почему что-то должно измениться? Ты можешь измениться? Или я?

– Я не знаю. – Она серьезно посмотрела на него. – Ты станешь другим?

– Но почему я должен измениться, Пилар? Я тебя люблю и никогда не был против того, чтобы жениться на тебе. А может, это как раз то, что нам обоим просто необходимо?

– Но зачем? Если только ради твоей карьеры... Но почему кому-то должно быть до этого дело?

– Ты совершенно права, до этого не должно быть дела никому, кроме нас двоих. И я хочу, чтобы ты стала моей женой. – Брэд вдруг наклонился вперед, взял ее за руку и поцеловал. – Я люблю вас, Пилар Грэхем. Я буду любить вас всегда, до конца жизни. И я хочу, чтобы вы стали моей женой, независимо от того, получу я судейское кресло или нет. Ну, что ты на это скажешь?

– Я скажу, что ты сумасшедший. – Пилар улыбнулась и поцеловала его. – Ты, наверное, переутомился на работе. Между прочим, я совсем не такая, как все. Так вот, слушай: когда мне было двадцать пять, я страшно гордилась тем, что у меня седые волосы; я никогда не мечтала иметь детей, тогда как другие только и думают о том, как бы завести дочурок и сыновей; я люблю отдаваться работе, а не торчать целыми днями дома, и нисколько не возражаю против того, чтобы жить с женщиной, не будучи за ним замужем.

– Как так? Тебе должно быть стыдно жить во грехе. Разве у тебя нет совести?

– О какой совести ты говоришь? Может, о той, которую я как-то оставила в баре, потому что мне было больше нечем расплатиться?

– О, я всегда знал, что у тебя в прошлом есть какие-то грехи. – Вдруг он изменил тон и сказал совершенно серьезно: – Хорошо, оставим пока эту тему, надо все хорошо обдумать.

Этот разговор происходил накануне Рождества. Потом, в течение шести месяцев, они обсуждали эту тему со всех сторон, вертели ее так и эдак, спорили до хрипоты, пока наконец Брэд не поклялся в том, что никогда не женится на ней, даже если она будет умолять его об этом. И он был совершенно ошеломлен, когда как-то в мае вечером Пилар вдруг заявила:

– Ты знаешь, я все обдумала. – Она возилась с кофеваркой и даже не повернулась к нему.

– Обдумала что? – Брэд совершенно не представлял, что она имеет в виду.

– Ну... о нас. – Она замолчала на некоторое время, а он вдруг заволновался. Пилар была очень независимым человеком, и он знал, что она может принять какое-нибудь скоропалительное решение, а потом внушить себе, что оно очень важное и правильное, и ничем ее тогда не переубедишь. – Я думаю, что мы должны пожениться. – Она выглядела вполне серьезной и протянула ему кофе, но он уставился на нее в изумлении и даже забыл взять чашку.

– Что? После всех тех возражений, которые ты навывдумывала, начиная с Рождества... Что, черт возьми, заставило тебя изменить свое решение?

– Да ничего. Я просто подумала, что, наверное, ты прав и все-таки уже пора...

Она на самом деле очень много над этим думала, но сейчас не смогла бы объяснить ни ему, ни себе, что был какой-то толчок, что-то не зависящее от нее, и в то же время сознание того, что, если они поженятся, она навсегда станет его частью... его плотью... до конца жизни...

– Но почему?

– Я не знаю. – Пилар выглядела такой растерянной, что он не выдержал и усмехнулся.

– Ты сошла с ума. Окончательно и бесповоротно. И я еще больше люблю тебя. – Он обошел вокруг стола, обнял ее и поцеловал. – Я просто без ума от тебя, и мне абсолютно все равно, выйдешь ты за меня замуж или нет. Ты не хочешь обдумать свое решение еще какое-то время?

– Не стоит давать мне много времени на обдумывание, – усмехнулась она, – а то ведь мне ничего не стоит изменить решение. Знаешь, давай сделаем это как можно быстрее.

– Клянусь, я сделаю все, что в моих силах! – Брэд был в восторге.

Свадьба была назначена на июнь, они позвонили детям, и те, совершенно потрясенные, пообещали в любом случае приехать, бросив все дела: казалось, они были рады даже больше, чем жених и невеста. Пригласили около десяти пар, несколько холостых друзей, коллег, среди них Марину Голетти – лучшую подругу Пилар, которая должна была возглавить церемонию, и, конечно, мать Пилар. Брэд похоронил своих родителей четыре года назад. Мать Пилар жила и работала в Нью-Йорке, но на свадьбу обещала вырваться, «если, конечно, она состоится», – заметила она скептически, что еще больше раззадорило ее дочь.

Как Брэд и обещал, он все взял в свои руки, только приглашения рассылал его секретарь. Все, что осталось невесте, – покупка свадебного платья. Они отправились на его поиски втроем: она, ее будущая падчерица и Марина Голетти. Пилар была так смущена всей этой затеей, что пришлось чуть ли не силой заставлять ее мерить платья. Но в конце концов она сама выбрала красивое шелковое, мелко плиссированное платье от Мэри Макфадден. Надев его, она стала похожа на греческую богиню. В день свадьбы она зачесала волосы наверх, оставив только несколько завитков у лица, а прическу украсила небольшим венком из живых цветов. Когда она вышла к гостям, то выглядела просто потрясающе.

– Смотри, оказывается, это не так уж плохо, – шепнул ей Брэд, когда они тихо стояли в сторонке, наблюдая, как веселятся их гости. Между ними уже давно существовало взаимопонимание, которое успело возникнуть за эти тринадцать прожитых вместе лет. Возникло из споров, отчаяния, слез, одиночества и ненависти. Это было взаимопонимание, рожденное любовью, которая соединила их, чтобы они могли вместе идти по жизни, преодолевая все трудности и помогая друг другу. – Скажи, ты решилась на эту свадьбу ради меня или ради них? – мягко спросил он.

– Пусть это глупо, но я сделала это ради себя самой, – быстро проговорила она. Пилар не собиралась говорить это, но слова вырвались сами собой. Поэтому она поспешно добавила: – Мне вдруг очень захотелось выйти за тебя.

– Это просто замечательно – то, что ты сейчас сказала. – Он приблизился к ней вплотную и заключил в объятия. – Я тоже очень хотел жениться на тебе все это время, Пилар. Но я не хотел на тебя давить.

– Да, ты всегда был тактичен, и я тебе очень за это благодарна. Я теперь поняла, мне просто нужно было время. – Она игриво улыбнулась, и Брэд рассмеялся. Да, хорошо, что она никогда не думала, родить ей ребенка или нет, а то ведь этого тоже можно прождать тринадцать лет, а потом это будет уже проблематично.

– Будем считать, что мы выбрали самое подходящее время. И я люблю тебя. – Произнеся это, он вдруг вопросительно посмотрел на нее: – Между прочим, кто ты теперь? Миссис Колеман? Или мисс Грэхем?

– Я вообще-то не думала об этом. Но мне кажется, что в мои годы мне будет не так-то просто сменить фамилию. Когда пробудешь сорок два года мисс Грэхем, потом стать кем-то другим, да еще за один день... – Она заметила разочарование в его глазах. – Но, с другой стороны... может, за следующие тринадцать лет я смогу привыкнуть к другой фамилии?.. Знаешь, что я тебе отвечу?

– Колеман? – Он был поражен и тронут до глубины души. Действительно, сегодня был просто необыкновенный день.

– Миссис Колеман, – проговорила она, – Пилар Колеман. – Она трогательно улыбнулась, став совсем юной. Брэд не удержался и снова поцеловал ее. Его рука нежно обвилась вокруг ее талии, и они медленно двинулись к гостям, туда, где праздник был в разгаре.

– Мои поздравления, Пилар. – Мать улыбалась ей поверх бокала с шампанским.

В свои шестьдесят семь Элизабет Грэхем была все еще привлекательной женщиной. Она была врачом-невропатологом и имела обширную практику в Нью-Йорке вот уже сорок лет. Пилар была ее единственным ребенком. Ее муж – судья нью-йоркского апелляционного суда – погиб в авиакатастрофе. Он был тогда на вершине своей карьеры, а Пилар училась на юридическом факультете.

– Сегодня ты удивила нас всех, – сдержанно проговорила мать и поджала губы.

Пилар улыбнулась ей в ответ. Она прекрасно знала ее манеру все время поддразнивать дочь и научилась с годами не обращать внимания на эти реплики и тон, которым они обычно произносились.

– Вся наша жизнь полна неожиданностей и сюрпризов, – парировала дочь и посмотрела на Брэда и стоящую позади него Марину.

Они были знакомы буквально с первых дней, как только Пилар появилась в Санта-Барбаре. Женщины очень сблизились, Марина в какой-то мере заменяла ей мать, и для Пилар очень много значило то, что именно она возглавила свадебную церемонию. Марина работала с Брэдом в суде, но дружили они с Пилар уже целую вечность. Они вместе работали еще в адвокатской конторе, пока Марина не сделалась судьей, а отношения их были гораздо более тесными, чем отношения Пилар с матерью.

С матерью они никогда не были близки, да и вообще своих родителей Пилар почти совсем не знала и виделась с ними редко. Они были заняты своей карьерой и, когда дочери исполнилось семь, отправили ее в интернат. На каникулы ее привозили домой и устраивали, как она рассказывала об этом Брэду, «допросы с пристрастием». Они спрашивали, чему их там учат, как продвигается ее французский и не будет ли она любезна объяснить появление низкой оценки по математике. Они были совершенно чужими ей людьми, хотя отец иногда во время отпуска предпринимал слабые попытки сблизиться с дочерью. Но как бы ни был отец занят своей карьерой, это была ерунда по сравнению с тем, как относилась к работе Элизабет Грэхем. Когда Пилар была еще ребенком, мать дала ей понять раз и навсегда, что то, что она делает для своих пациентов, не идет по важности ни в какое сравнение с тем, что она может сделать для своей единственной дочери.

Много лет назад, когда они только познакомились, Пилар сказала Брэду:

– Я понятия не имею, зачем моим родителям вообще нужны были дети. Я часто гадала, была ли я ошибкой их молодости или неудавшимся экспериментом. Но, по-моему, они сами никогда не знали этого. Отцу, правда, стало немного легче, когда я пошла по его стопам. Я думаю, он тогда впервые в жизни решил, что все-таки я что-то собой представляю, а до этого они никогда не интересовались моими школьными успехами. Ну а мать, естественно, была просто в бешенстве, что я не интересуюсь медициной, хотя она никогда и не пыталась привить мне интерес к ней.

Фактически Пилар всю свою жизнь провела в различных школах. Она как-то в шутку сказала одному из своих коллег, что прошла те же «университеты», что и некоторые из ее подзащитных, которые всю свою сознательную жизнь провели в тюрьмах. И вполне естественно, что отношение к ней ее родителей, их холодность и безразличие внушили Пилар мысль о том, что замужество – дело совершенно бессмысленное, ну а о детях вообще говорить не приходится. Такого детства, как у нее, она бы не пожелала и врагу, а не то что своему ребенку. Поэтому, увидев, как Брэд относится к своим детям, как он с ними откровенен, приветлив, всегда готов выслушать, понять, помочь, поделиться с ними своими проблемами, она была просто поражена. Таких отношений у Пилар не было ни с одним существом в мире. А

Брэд мало-помалу помог ей научиться открывать душу, делиться своими чувствами с теми, кто ее окружает. Постепенно она стала откровенной не только с ним, но и с его детьми. Но над тем, чтобы завести собственного ребенка, Пилар не задумывалась никогда. И сейчас, встретившись с матерью на свадьбе, она с горечью подумала о том, что родители лишили ее многого.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь. – Мать сказала это таким тоном, будто разговаривала с малознакомым человеком. Она никогда в разговоре ни голосом, ни интонацией не выдавала своих чувств. – Досадно, что вы с Брэдом слишком стары для того, чтобы иметь детей.

Пилар устала на нее в изумлении, не веря своим ушам.

– Я не могу поверить, что это говоришь ты... – Она произнесла это так тихо, что ее не услышал даже стоящий рядом Брэд. – Какое ты имеешь право вмешиваться в нашу жизнь, да еще с такими неуместными замечаниями? – Ее глаза так гневно сверкнули, что Марина издала заметила это.

– Ты знаешь не хуже меня, что с медицинской точки зрения ты уже в том возрасте, когда заводить детей – не слишком благоразумно. – Мать была совершенно бесстрастной и спокойной, тогда как Пилар еле сдерживалась, чтобы не взорваться от бешенства.

– Женщины в моем возрасте прекрасно рожают, и не так уж редко. – Пилар досадовала, что завелась по этому поводу. Ведь она никогда не думала заводить детей. Но, с другой стороны, какое право имеет ее мать говорить о том, чего она не хочет или, что еще хуже, не может. После того, что она сделала, а вернее, не сделала для дочери за все эти годы, Пилар считала, что эта женщина не имеет ни малейших оснований вмешиваться в ее жизнь, навязывать ей свое мнение и доказывать правоту своих доводов и суждений.

– Может, и рожают, Пилар, но это не приводит ни к чему хорошему. Я сталкиваюсь с такими поздними детьми чуть ли не каждый день. Это несчастные, обделенные жизнью существа, совершенно неполноценные как физически, так и умственно. Поверь, тебе это совершенно ни к чему.

– Да, ты права, мне это ни к чему. – Она посмотрела матери прямо в глаза. – Мне это ни к чему, потому что я никогда не хотела иметь детей, никогда... И только лишь благодаря тебе и отцу! – С этими словами Пилар повернулась и затерялась в толпе гостей. Ее била дрожь, она хотела поскорей найти Брэда, единственного человека, который мог успокоить ее.

– С тобой все в порядке? – Это была Марина, ее седые, мелко завитые волосы придавали прическе немного старомодный вид. Вот кто был для Пилар настоящей матерью, другом, на которого всегда можно положиться. Чуткая и мудрая, она всегда могла дать совет, основываясь на собственном жизненном опыте. Старшая из одиннадцати детей, она после смерти матери подняла их на ноги, но сама так и не вышла замуж, и своих детей у нее не было. «Я вся отдалась работе», – оправдывалась она и всегда сочувствовала Пилар по поводу ее отношений с родителями. В последние годы обида на мать прошла, и она не вспоминала о ней, за исключением тех редких случаев, когда они виделись. «Доктор», как называла ее Пилар, появлялась в Калифорнии раз в два-три года, и в промежутках между встречами дочь нисколько не скучала по ней и лишь слегка удивлялась, что их отношения с годами не становятся ближе.

– Похоже, Доктор задала тебе перцу. – Марина ласково смотрела на нее. Пилар улыбнулась. Когда Марина рядом, хочется думать о человечестве только хорошее. Она была из тех редких людей с открытой душой, которых все любят.

– Она просто хотела удостовериться в том, что мы с Брэдом благоразумны и понимаем, что в нашем возрасте не стоит заводить детей. – Пилар сказала это с улыбкой, но в ее голосе чувствовалась горечь. Ей было обидно не за детей, которых у нее не будет, ей было обидно за то, что мать опять не проявила ни капли заботы и участия к ее судьбе.

– Кто это сказал? – Марина выглядела рассерженной. – Моя мать родила последнего ребенка, когда ей было пятьдесят два.

– Что ж, мне теперь есть к чему стремиться. – Пилар усмехнулась. – Пообещай мне, что этого не будет, а не то я застрелюсь прямо сейчас.

– Это в день своей свадьбы? Не будь такой жестокой! – И вдруг, посерьезнев, Марина ошеломила Пилар совершенно неожиданным вопросом: – А вы оба хотите иметь детей? – Она знала пары, которые были гораздо старше их и имели маленьких детей, а близость их отношений давала, как она считала, ей право на подобный вопрос. Она была настолько ошеломлена тем, что Пилар после стольких лет решительного отказа от брака решила выйти замуж, что теперь ставила под сомнение и все другие ее жизненные принципы.

Пилар искренне рассмеялась:

– Дорогая, насчет этого можешь не беспокоиться. Если бы я имела список желаний, то дети в нем были бы даже не на последнем месте, их бы там не было вообще. Этого я никогда не планировала. – Ей нравилась близость с Брэдом, но о детях она не задумывалась никогда.

– Чего это ты никогда не планировала? – Брэд подошел неслышно и со счастливым видом обнял невесту.

– Я никогда не планировала бросить юриспруденцию. – Его неожиданное появление и нежные объятия тотчас успокоили Пилар, заставив забыть раздражение, вызванное словами матери.

– А кто может в этом усомниться? – Брэд очень удивился. Пилар была превосходным адвокатом и всегда гордилась своей карьерой. Он даже представить себе не мог, что ей придет в голову заняться чем-нибудь другим.

– Я так думаю, Пилар скоро присоединится к нам и займет одно из судейских кресел. – Марина сказала это многозначительным тоном, в душе надеясь, что так оно и будет. Потом она отошла, оставив их вдвоем. Они смотрели друг другу в глаза и не видели никого вокруг. Их близость никто не мог нарушить.

– Я люблю тебя, миссис Колеман. И я бы очень хотел выразить словами всю силу своего чувства.

– Ты можешь делать это всю жизнь... Я тебя... я тоже люблю тебя, Брэд, – прошептала она.

– Да, эти слова стоят тринадцати лет ожидания, впрочем, я смог бы ждать еще хоть полвека.

– Вот тогда бы ты точно заставил мою маму понервничать. – Пилар рассмеялась, закинув голову.

– О, неужели твоя мама считает, что я слишком стар для тебя? – В конце концов, он ведь был всего на несколько лет моложе ее матери.

– Нет... Видишь ли, она считает, что это я стара для тебя. Она думает, что мы сошли с ума и собираемся рожать полоумных детей, чтобы пополнить ее клиентуру.

– Очень мило с ее стороны. Это все, что она тебе сказала? – Видно было, что он слегка раздражен, но Брэд был не из тех людей, которые позволяют кому-нибудь испортить себе настроение, да еще в день, которого он так долго ждал.

– Да, но это, по ее мнению, очень важно. Во всяком случае, как врач, она посчитала своим долгом предупредить меня.

– Интересно, что она скажет, когда мы пригласим ее на нашу серебряную свадьбу? – сказав это, Брэд нежно поцеловал ее в губы.

Они танцевали весь вечер, а в полночь, когда веселье было в полном разгаре, незаметно покинули торжество и отправились в заказанный специально на эту ночь номер в «Билт-море».

– Ты счастлива? – спросил Брэд, когда они сели в заказанный лимузин.

– Абсолютно. – Она зевнула, устраиваясь поудобней. Вытянув ноги в белых свадебных туфлях на откидное сиденье, Пилар положила голову ему на плечо. Вдруг она выпрямилась и, нахмурившись, взглянула на него: – О боже... Я забыла попрощаться с матерью, а она же завтра рано утром уезжает. – Мать собиралась в Лос-Анджелес, на медицинский консилиум, так что свадьба Пилар пришлась как нельзя кстати.

– Ничего страшного не случится, поверь мне. В конце концов, это же день твоей свадьбы. Она могла бы сама подойти и пожелать тебе счастья. – Брэд нежно поцеловал ее. Пилар в ответ пожала плечами. Да, действительно, теперь уже все равно. Это была долгая война, но теперь она закончилась, во всяком случае для Пилар. – Я пожелаю тебе счастья вместо нее. – Брэд снова склонился к ней, они поцеловались, и Пилар вдруг поняла, что отныне она будет жить своей личной жизнью и главным в ее жизни будет муж. Он теперь единственное, что у нее есть, и даже больше. И она вдруг неожиданно для себя пожалела, что не вышла за него раньше.

Прошлого для нее больше не существовало, с этой минуты она перестала думать о родителях и о том, как они ее обделили своей любовью. Все, что ее теперь интересовало, – это Брэд и жизнь, которую она отныне разделит с ним. Так, сидя в машине, мчавшей их в «Билтмор», Пилар думала об их будущем.

Глава 2

Спустя неделю после Дня благодарения Диана с головой ушла в работу, делая подборку для апрельского выпуска журнала. У нее были заготовки для большой статьи с фотографиями сразу о двух домах: один находился в Ньюпорт-Бич, а другой – в Ла-Джоле. Еще она съездила в Сан-Диего, надеясь подыскать там что-нибудь интересное, и, таким образом, к вечеру чувствовала себя совершенно разбитой. Местные жители были несговорчивы; женщине, хозяйке дома, не нравилось ничего, что бы они ни делали, а редактор, которую Диана назначила отвечать за материал, отнимала уйму времени, постоянно жалуясь и плача ей в жилетку.

– Спокойнее, не заводись, – говорила ей Диана, но у нее самой нервы были на пределе, к тому же голова раскалывалась начиная с полудня, – она думает, что расстроила тебя, но она ошибается. Просто к ней надо подлизаться, как к маленькому ребенку. Она же хочет попасть на страницы журнала, вот мы ей и поможем.

Но вскоре после этого фотограф не выдержал и пригрозил, что вообще уйдет, так что к концу дня настроение было испорчено у всех, а особенно у Дианы.

Вернувшись в гостиницу «Валенсия», Диана зашла в номер и, не включая света, повалилась на кровать. Она до того устала, что не могла ни двинуться, ни раскрыть рта. О том, чтобы поесть, не могло быть и речи. Она даже не в силах позвонить Энди. Но это надо было сделать в любом случае, поэтому она решила сначала принять ванну и заказать порцию супа прямо в номер. Подождав, пока ванна наполнится, Диана разделась и с наслаждением опустила в теплую воду. И тут же увидела предательский кровавый след. Она каждый месяц надеялась, что он не появится, и каждый месяц он неизменно появлялся, несмотря на ее молитвы, несмотря на то, что они с Энди пользовались всеми ее благоприятными днями для зачатия ребенка. Несмотря ни на что. Опять. Она не беременна. Вот уже шесть месяцев. И если Энди пока не видел в этом повода для беспокойства, то на нее это действовало просто удручающе.

Она закрыла глаза, и по щекам покатились слезы. Ну почему для нее это так трудно? Почему именно у нее ничего не получается? Ведь у сестер все было так просто!

Диана позвонила Энди. Он только что вернулся домой с какого-то собрания у себя на радио.

– Эй, малыш, как у тебя сегодня дела? – Его голос показался ей усталым, и Диана решила ничего ему не говорить до своего возвращения, но он безошибочно угадал, что с ней что-то не в порядке. – Что случилось?

– Да нет... просто тяжелый день. – Она старалась говорить так, как всегда, но сердце бешено колотилось в груди. Каждый раз, когда это случалось, ей казалось, что в ней что-то умирает, и она впадала в самую настоящую панику.

– Что-то не похоже, чтобы это был просто тяжелый день. У тебя неприятности с твоей командой или с хозяевами дома?

– Нет, нет! С этим все в порядке. Хозяйка, правда, упряма как осел, а фотограф дважды за этот день собирался уволиться, но это вполне нормально для нашей работы. – Она грустно улыбнулась.

– А что же тогда ненормально? Чего ты недоговариваешь?

– Да нет, ничего... Я... ну, в общем, у меня женские дела... и какая-то депрессия... – Когда она это сказала, слезы вновь потекли по ее щекам, но Энди, казалось, сразу успокоился.

– Ничего страшного, малыш. Подумаешь, попробуем еще. Черт возьми, прошло только шесть месяцев. Некоторым требуется для этого год или два. Давай успокойся, не переживай из-за этого и занимайся работой. Я люблю тебя, глупышка. – Он был тронут тем,

как она переживала каждый месяц, но прекрасно понимал, что тревожиться пока не о чем. Они ведь оба постоянно в напряжении из-за работы, а это, как известно, не в их пользу. – Почему бы нам не съездить куда-нибудь на пару дней в следующем месяце? Ты высчитаешь свои дни и скажешь мне, хорошо?

– Я люблю тебя, Эндрю Дуглас. – Диана улыбнулась сквозь слезы. Все-таки замечательно, что он так серьезно относится к ее стремлению завести ребенка. – Хотела бы я так же спокойно чувствовать себя по этому поводу, как и ты. Но мне все-таки кажется, что стоит обратиться к специалисту или хотя бы поговорить на эту тему с Джеком.

– Не говори глупостей. – Первый раз за время их разговора в голосе Энди послышались нотки раздражения. Он не собирался обсуждать свою интимную жизнь со свояком. – С нами все в порядке, и с тобой, и со мной... ты слышишь, все в порядке.

– Как ты можешь знать наверняка?

– Знаю, и все. Прошу тебя, поверь мне!

– Хорошо, хорошо... Прости меня... просто я так расстраиваюсь каждый раз... целый месяц я прислушиваюсь к своим ощущениям, ловлю себя на том, что ищу признаки... и каждый раз мне кажется, что я в самом деле беременна... а потом... в один день все кончается... – Ей было тяжело объяснить то разочарование, которое она испытывала каждый раз, ту боль, опустошение, чувство тоски... Они жили вместе уже три года, шесть месяцев были женаты, и теперь она хотела от него ребенка. Даже пустующий третий этаж в их доме, казалось, был для нее упреком. Они покупали этот дом в расчете на большую семью. Неужели не суждено иметь детей?

– Забудь об этом на время, дорогая. Рано или поздно это обязательно произойдет. Лучше скажи, когда ты возвращаешься?

– Завтра вечером, надеюсь. Если, конечно, вся эта братия не сведет меня с ума.

Диана вздохнула. Мысль о том, что ей опять придется возиться завтра со всеми этими людьми, все больше угнетала ее. Еще сегодня она работала, несмотря на все трудности, но после пережитого разочарования... Каждый месяц она испытывала это чувство – чувство потери и одиночества. И она не могла поделиться своим горем ни с кем, даже с Энди. Другим бы оно показалось просто смешным, но для нее это было настоящей мукой: целый месяц ждать и надеяться, а потом испытывать ужасное разочарование и, преодолевая его, снова утешать себя мыслью, что, может быть, в следующий раз все будет по-другому.

– Я буду ждать твоего возвращения, любимая. Постарайся лечь сегодня пораньше и хорошо выспаться. Ты увидишь, завтра тебе будет намного легче. – Ну почему он так легко к этому относится? А может, просто не показывает вида? Старается ее подбодрить? Но ей было бы легче, если б он разделял ее тревогу. А может, все-таки лучше, что он так спокоен? – Я люблю тебя, Ди.

– Я тоже, любимый. И очень скучаю.

– Я тоже страшно соскучился. Ну, до завтра, до вечера.

Когда Диана повесила трубку, горничная внесла суп, но она к нему даже не притронулась. Она погасила свет и долго лежала в темноте, думая о ребенке, которого она так хотела иметь, и о предательском кровавом пятне, которое означало, что этот месяц опять прошел даром. И все-таки, засыпая, Диана позволила себе подумать о том, что через месяц это разочарование не повторится.

* * *

Пилар Грэхем – на работе она не позволяла называть себя иначе – сидела у себя в кабинете и внимательно изучала очередное дело, делая пометки на полях. Загорелся «глазок» селектора, и голос секретарши произнес:

– Пришли мистер и миссис Робинсон.

– Спасибо. Пусть войдут.

Пилар поднялась из-за стола, когда секретарша открыла дверь и впустила пару, выглядевшую озабоченной. Женщине было около сорока, ухоженные темные волосы спадали ей на плечи; мужчина, высокий и сухопарый, был одет в хороший, но не слишком дорогой костюм и выглядел немного старше своей спутницы. Их направил к ней ее знакомый адвокат, и Пилар провела все утро, подробно изучая дело этой пары.

– Здравствуйте, я – Пилар Грэхем.

После обмена рукопожатиями она предложила им сесть и осведомилась, что они предпочитают, чай или кофе. Было заметно, что супруги нервничают, им не терпелось приступить к делу.

– Я все утро изучала ваш случай. – Пилар сказала это спокойным тоном, который вполне соответствовал ее внешности: серьезная, интеллигентная, выдержанная, словом, человек, на которого можно положиться. Они были наслышаны о ее репутации – репутации непревзойденного мастера своего дела. И это была главная причина, по которой они обратились именно к ней.

– Как вы считаете, можно что-нибудь сделать? – Эмили Робинсон с тоской взглянула на адвоката, и Пилар заметила невероятную боль, промелькнувшую в ее глазах. Она еще не знала, сможет ли чем-то помочь этой женщине.

– Я надеюсь, что смогу помочь вам, хотя не уверена в этом до конца. Я внимательно ознакомилась с вашим делом и пришла к выводу, что мне придется посоветоваться с коллегами, в частном порядке, разумеется. Боюсь, в своей практике я впервые сталкиваюсь с такой ситуацией. Некоторые наши законы уже давно устарели, к тому же в различных штатах они сильно отличаются друг от друга. А ваш случай не из легких, как вы сами понимаете, и я пока затрудняюсь делать окончательные выводы.

Ллойд Робинсон договорился с семнадцатилетней девицей, живущей в маленьком горном поселке в пригороде Риверсайда, что она родит ребенка, которого они с супругой усыновят, поскольку не могут иметь собственных детей. У Мишель уже было двое незаконно рожденных детей, она была согласна родить и третьего. Ллойд узнал о ней через школу, в которой раньше работал. Местный врач сделал ей искусственное оплодотворение. Робинсон заплатил Мишель пять тысяч долларов, чтобы она смогла переехать от родителей в Риверсайд и поступить там в колледж. Во всяком случае, это была плата, которую она назначила сама, так как из-за отсутствия денег ей пришлось бы всю жизнь просидеть в горах, чего она не хотела.

Робинсоны только теперь поняли, какую ошибку они совершили. Девица была слишком молода и непостоянна, и, когда об этом узнали ее родители, они подняли на ноги местные власти. Ллойд было предъявлено множество обвинений, которые он, к счастью, смог опровергнуть. Но суд оставил открытым вопрос о несовершеннолетнем возрасте матери ребенка. Они даже пытались выяснить, не было ли здесь изнасилования, но Ллойд сумел доказать, что сексуальных контактов не было вообще.

Пока продолжался процесс, девица отказалась отдавать ребенка. К тому времени, как он родился, она вышла замуж за местного парня, который был полностью на ее стороне. А когда Пилар встретилась с отчаявшейся парой, эта девушка, Мишель, была снова беременна, теперь уже от своего мужа. Между тем ребенку Ллойда Робинсона исполнился год, а суд не разрешал супругам даже видеть его. Ллойд сказали, что как донор он не имеет на малыша никаких прав. Суд также признал, что он оказывал нежелательное воздействие на несовершеннолетнюю, и заставил его подписать бумаги, запрещающие принимать какие-либо действия по отношению к ребенку и его матери. Супруги были просто в отчаянии из-за всего этого. Они вели себя так, как будто это был действительно их ребенок, которого

у них украли. Они продолжали называть малышку Жан-Мари. Это имя супруги выбрали в память о двух матерях – его и ее, хотя Мишель, конечно, звала дочку как-то иначе. Чем больше Пилар смотрела на эту пару, тем яснее ей становилось, что их мечта об этом ребенке скорее всего так и останется мечтой.

– А не легче ли для вас усыновить другого ребенка вполне законным путем?

– Может быть, вы и правы, – грустно сказала Эмили, – но вы понимаете, мы хотим, чтобы это был *его* ребенок. Дело в том, что я, к сожалению, не могу иметь детей, мисс Грэхем. – Это было сказано так, будто женщина сознавалась в совершении ужасного преступления, и Пилар стало ее жаль. Да, случай был действительно сложный и необычный, но самое необычное во всем этом, как казалось Пилар, было фанатичное желание этой пары во что бы то ни стало иметь ребенка. – Мы уже опоздали с законным усыновлением, – продолжала женщина, – мне – сорок один, а Ллойд – почти пятьдесят. Мы многие годы стремились к этому, но сначала нам не позволял доход, а потом Ллойд получил травму и несколько лет не мог работать. Теперь наконец-то дела пошли на лад. Но нам все равно пришлось продать машину и целый год работать каждому на двух работах, чтобы заплатить Мишель за ребенка. А остальное мы истратили на адвокатов. И в результате остались ни с чем.

Она говорила сущую правду, но Пилар интересовало не это. Ее все больше поражала ситуация, в которой оказались эти люди. Она изучила характеристику социального работника на чету Робинсон, и, по мнению окружающих, это была самая обыкновенная супружеская пара. Сложность для них заключалась лишь в том, что они не могли иметь детей, но страстно хотели ребенка. И в отчаянии готовы были пойти на все. Да, отчаяние может заставить человека наделать много глупостей. Эти двое, по мнению Пилар, уже наделали их достаточно.

– Будете ли вы добиваться права на посещение ребенка? – спросила она, пытаясь оставить им хоть какую-то надежду.

Эмили тяжело вздохнула:

– Конечно, если нам не удастся добиться ничего другого. Послушайте, но ведь это же так несправедливо! Мишель родила двоих детей, когда сама была еще почти ребенком, теперь она вот-вот родит еще одного от этого парня, за которым замужем. Ну зачем ей еще малышка Ллойда? – Голос Эмили звучал жалобно, и они все трое знали, что за этой жалобой стоит отчаяние.

– Но это и ее ребенок тоже. – Пилар постаралась сказать это как можно мягче.

– Скажите, как по-вашему, право на посещение ребенка – это все, чего мы можем добиться? – Это были первые слова, произнесенные супругом, и Пилар помедлила, прежде чем ответить:

– Вполне возможно. Но, принимая во внимание сегодняшнюю позицию суда, это, несомненно, будет большим шагом вперед. А потом, со временем, если, например, Мишель станет недостаточно хорошо относиться к дочери или у нее возникнут проблемы с мужем, тогда, может быть, вам удастся отвоевать девочку. Но, как вы сами понимаете, ничего конкретного я вам обещать не могу, кроме того, что это может длиться годы и годы. – Пилар никогда не обманывала своих клиентов.

– Предыдущий адвокат сказал, что, может быть, она вернет нам Жан-Мари через шесть месяцев, – робко произнесла Эмили, и Пилар не стала поправлять ее, объясняя, что о возвращении ребенка речи вообще быть не могло, так как, прежде всего, он никогда им и не принадлежал.

– Я не думаю, что он был честен с вами, миссис Робинсон. – Скорей всего, они были того же мнения, иначе не сменили бы адвоката. Супруги молча покачали головами и в отчаянии посмотрели друг на друга. Тоска и одиночество, появившиеся в их глазах, никого не смогли бы оставить равнодушными.

У Пилар с Брэдом было несколько знакомых пар, воспитывающих приемных детей. Чтобы усыновить ребенка, многие из них ездили в Гондурас, Корею и даже в Румынию. Но таких необдуманных поступков никто из их знакомых никогда не совершал и не выглядел так нелепо, как эти двое. Да, у Робинсонов был шанс, но они упустили его, и им это было совершенно ясно.

Пилар еще немного побеседовала с ними, сказав, что обязательно будет заниматься их делом, если они этого захотят. Она обещала разыскать аналогичные случаи в практике других штатов и дать им знать. Но супруги попросили ее пока ничего не предпринимать и обещали позвонить, если им понадобится ее помощь.

Но когда они ушли, Пилар уже знала, что они больше не позвонят. Им нужен был кто-то, кто пообещал бы прыгнуть выше головы, она же им не подходила, потому что не сделала этого. После их ухода Пилар сидела несколько минут и размышляла над их поведением. Они так беспокоились, так заботились о ребенке, которого не знали. Они ни разу даже краем глаза не видели малышку, и все-таки она была для них Жан-Мари, они о ней думали, переживали из-за нее и любили ее. И хотя инцидент был исчерпан, Пилар сожалела, что не может помочь этим людям. Дело весьма заинтересовало ее, и она в задумчивости смотрела в окно, когда ее коллега, Алиса Джексон, заглянула в дверь офиса и воскликнула, загадочно улыбаясь:

– Пилар... У тебя все в порядке? Я не видела тебя такой озабоченной с тех пор, как ты ушла из городского суда. Тогда тебе приходилось ломать голову над защитой очередного преступника. Интересно, кто убийца на этот раз?

– Никто. – Пилар улыбнулась, вспоминая то время, когда работала адвокатом в городском суде.

Другой ее коллега, Брюс Хеммингс, тоже работал с ними. Они с Алисой были женаты уже многие годы и воспитывали двоих детей. Пилар и Алиса всегда были в дружеских отношениях, хотя Пилар никогда бы не доверила ей того, что она с легкостью доверяла Марине. Но работать с Алисой было легко, и за десять лет совместной службы они не имели друг к другу ни малейших претензий.

– Нет, это не кровавое убийство. – Пилар натянуто улыбнулась, отошла от окна и опустилась в кресло. – Просто странная житейская история.

Она вкратце изложила суть дела, и Алиса сочувственно покачала головой:

– Да, уже давно пора принять новый закон, касающийся этих проблем. Сейчас самое большее, чего ты можешь добиться, это права посещения. Помнишь, в прошлом году Тед Мерфи вел похожее дело? Тогда женщина, носившая ребенка, отказалась отдать его в самый последний момент. Это дело рассматривал государственный верховный суд. Отца тогда обязали к материальной помощи, но ребенка оставили матери, и все, чего он добился, было право посещения.

– Да, я помню это дело, но эти люди показались мне такими... – Пилар не закончила мысль, пожалев, что вообще произнесла это вслух, но ей действительно казалось, что эта пара заслуживает сочувствия.

– Я помню только один случай, о котором когда-то читала, когда судья был на стороне приемных родителей. Тогда женщине ввели в матку уже оплодотворенную яйцеклетку. Я не помню, где это было, но если хочешь, могу найти описание процесса, – сказала Алиса серьезно. – Тогда судья заявил, что суррогатная мать не имеет никаких родственных связей с плодом, потому что и сперма, и яйцеклетка были взяты у посторонних людей уже оплодотворенные. И ребенка отдали супругам-донорам. Но в твоем случае обстоятельства, конечно, совсем другие, да и вообще надо быть совершенным идиотом, чтобы связаться с несовершеннолетней девчонкой.

– Да, конечно. Но иногда люди делают ужасные глупости, лишь бы заиметь детей.

– Она будет мне рассказывать! – Алиса села на стул и усмехнулась: – Я два года пила гормональные таблетки, которые, казалось, меня доконают. Я себя чувствовала ужасно, мне казалось, что я прохожу курс химиотерапии, а не принимаю препараты, чтобы зачать ребенка. – Она даже передернула плечами, вспоминая все свои давние ощущения. – Но зато у меня двое прекрасных детей, и я считаю, что овчинка выделки стоит. – Да, что верно, то верно. А вот Робинсоны не получили девочку, которую они называют Жан-Мари, которую никогда не видели и, скорее всего, никогда не увидят.

– Зачем люди идут на такие жертвы, Али? Иногда, особенно если ты не в силах помочь, это просто удивительно. Да, я знаю, твои мальчики – просто замечательные, но... но если бы у тебя не было детей, неужели это было бы так уж страшно?

– Конечно. – Ответ прозвучал очень тихо. – Это было бы ужасно и для меня... и для Брюса. Мы же с самого начала решили создать семью. – Она перекинула ногу через ручку кресла и посмотрела прямо в глаза подруги. – Большинство людей совсем не такие храбрые, как ты, Пилар. – Она сказала это искренне. Ее всегда восхищало отношение этой женщины к жизни, ее прямота и твердость характера.

– Я совсем не храбрая... Что ты такое говоришь?

– Нет, ты очень смелая и решительная, – возразила Алиса. – Вот ты знаешь, что не хочешь иметь детей, и строишь свою жизнь так, как запланировала. А ведь многие сомневаются, считают, что не иметь детей – это неправильно, а в результате, когда все-таки рожают ребенка, начинают его тайно ненавидеть. Ты даже представить себе не можешь, сколько я встречала таких детей! Многие родители сначала заводят детей, а потом понимают, что они им вовсе не нужны. И в результате ребенок обделен любовью, никто им не интересуется.

– Мои родители были из их числа. Я полагаю, что именно из-за них-то меня не привлекает материнство. Я бы никогда не пожелала своему ребенку испытать все то, что сама пережила в детстве. Я все время чувствовала себя никому не нужной, обузой, отвлекающей от дел занятых людей! Конечно, для родителей гораздо важнее было решать свои «взрослые» проблемы, чем поговорить с девчонкой, а уж о том, чтобы ее полюбить, не могло быть и речи!

Эта горькая правда не была открытием для Алисы. Не то чтобы слова подруги ее поразили, но прозвучали довольно неожиданно. И ей стало вдруг обидно за Пилар, потому что та умышленно лишила себя того, что, по мнению Алисы, было смыслом жизни для женщины.

– Боже мой, Пилар! Ты никогда не будешь плохой матерью. Может быть, сейчас, когда вы с Брэдом наконец поженились, ты передумаешь?

– О чем ты говоришь... Это в мои-то годы? – Пилар выглядела искренне удивленной. Почему, черт возьми, всех так интересует, собираются ли они с Брэдом заводить ребенка?

– Между прочим, ты тоже можешь принимать гормональные препараты. Сейчас появились новые, просто чудодейственные средства. – Алиса так увлеклась, что вскочила со стула и теперь стояла у стола, глядя на подругу сверху вниз. – А с твоим-то везением ты наверняка забеременеешь с первого раза. И нечего нести этот бред насчет возраста. Тебе же только сорок два! Меня не проведешь, старушка Колеман!

– Ну спасибо тебе. Только я, пожалуй, не стану навязывать себе эту головную боль. Бедняга Брэд... он был бы поражен, услышав наш разговор... Впрочем, я поражена не меньше. – Она с улыбкой посмотрела на Алису, а потом ее взгляд упал на часы. Сегодня Пилар договорилась позавтракать со своей падчерицей, и если не поторопится, то может опоздать.

– Хочешь, я пока займусь женщинами, вынашивающими детей на заказ? – Алиса была просто незаменима, когда надо было где-нибудь покопаться. – Ты знаешь, я свободна сегодня после обеда и завтра с утра.

– Спасибо, но я не думаю, что на это стоит тратить время. Мне кажется, они вряд ли перезвонят. Эти двое даже не попытаются отвоевать право на посещение. Я думаю, они из тех, кому подай все или ничего. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, они попытаются

найти кого-нибудь подешевле нас, но чтобы им гарантировал это «все». Но все равно дело ограничится разрешением на посещения, да и то если им повезет.

– Ну хорошо. Но если они вдруг объявятся, дай мне знать.

– Конечно... и, знаешь, спасибо за помощь.

Женщины обменялись улыбками, и Алиса пошла через зал по направлению к своему офису. Она была не так загружена работой, как Пилар, у нее было значительно меньше клиентов. Процессы, которыми она занималась, не относились к разряду громких или шумевших. Ей нравились необычные, интересные дела, которые попадали под действие законов, редко встречающихся на практике. Если бы она была врачом, из нее получился бы отличный исследователь. Сейчас она работала не полную неделю, потому что два дня сидела с детьми. У каждого из адвокатов был свой «конек», и большую часть работы обычно выполнял Брюс. Он брал на себя процессы, на которых противоположными сторонами выступали различные организации, в то время как Пилар предпочитала работу с отдельными клиентами. Они представляли собой отличную команду и могли с успехом решать любого рода дела. Если же возникала необходимость, они могли нанять кого-нибудь со стороны. Именно так Пилар представляла себе адвокатскую практику. Она ощущала себя компетентной и независимой, могла выбирать только те дела, которые были ей по душе, и имела прекрасных деловых партнеров. Нравились ей также и коллеги Брэда по суду. Вообще круг их знакомых был чрезвычайно интересен. Хотя она как-то пожаловалась мужу, что их знакомые – сплошные судьи и адвокаты, на самом деле ей это нравилось.

Пилар не могла представить себе жизнь без своей любимой юриспруденции. Пока она ехала в центр, на свидание к Нэнси, она удивлялась тому, как ее падчерица может вести такой инертный образ жизни. Нэнси не работала с тех пор, как вышла замуж, хотя прошло уже больше года, и Пилар полагала, что молодой женщине пора чем-нибудь заняться. Но Брэд считал, что его дети должны жить самостоятельно, и она старалась не вмешиваться в их дела, чтобы ни в коем случае не сделать что-либо такое, с чем он не был бы согласен. Это было нелегко, ведь она имела собственное мнение о том, что в жизни важно, а что нет. И на первом месте для нее всегда была работа, чего никак нельзя было сказать о Нэнси.

В «Парадиз» она опоздала. Нэнси уже ждала ее за столиком, нетерпеливо поглядывая по сторонам. Она была одета в темные туфли и темное трикотажное платье, поверх которого было накинуто красное пальто. Ее длинные светлые волосы были зачесаны назад и завязаны мягкой бархатной лентой. Выглядела она, как всегда, очень мило.

– Привет, дорогая. Ты отлично выглядишь!

Пилар опустилась на стул, просмотрела меню и сделала заказ. Потом она обратила все внимание на Нэнси. Казалось, та чем-то обеспокоена, но так как падчерица ничего не говорила, Пилар не стала задавать вопросы, а решила дождаться конца ленча.

И все же она была совершенно потрясена той новостью, которую Нэнси выложила ей во время десерта. Десерт, кстати, состоял из огромного куска шоколадного торта со взбитыми сливками и шоколадным кремом. Пилар удивилась, когда падчерица заказывала его, а когда принесли тарелку, у нее прямо-таки глаза на лоб полезли. Конечно, Нэнси – здоровая молодая женщина с прекрасным аппетитом, но мачеха заметила, что она явно поправилась.

– Должна сообщить тебе кое-что... – пробормотала Нэнси, принимаясь за десерт. Она поливала кремом огромные куски торта и отправляла их в рот. Пилар удивленно наблюдала за падчерицей.

– Я тоже должна тебе кое-что сообщить, – перебила она. – Если ты будешь поглощать каждый день столько сладкого, то к Рождеству будешь весить фунтов триста, не меньше. – Пилар была удивлена, но не могла без улыбки смотреть на Нэнси, хоть та и была уже замужней женщиной, для нее все-таки оставалась ребенком, и то, как она уплетала один за другим куски торта со взбитыми сливками, ничуть не делало ее взрослей.

– Мне придется растолстеть в любом случае, – лукаво улыбнулась та мачехе, медленно отхлебывающей кофе.

– Вот как? А, понимаю, ты же сидишь целый день перед телевизором и ешь конфеты. Послушай, Нэнси, хоть твой отец и говорит, что это не мое дело, я все же должна сказать тебе... Мне кажется, что тебе следует чем-нибудь заняться... ну, найти себе работу... Займись благотворительностью, в конце концов, или по дому что-нибудь делай... в общем, я не знаю чем, но чем-то тебе заняться нужно...

– Я уже занимаюсь тем, что жду ребенка. – Нэнси сказала это с улыбкой, а вид у нее был такой, как будто она поделилась с мачехой невероятным секретом. Пилар уставилась на нее в изумлении.

– Ты... что? – Пилар даже мысль такая не приходила в голову. Ведь Нэнси всего двадцать шесть, как раз столько, сколько было Пилар, когда она познакомилась с Брэдом. Это было шестнадцать лет назад, боже, почти полжизни! – Ты беременна? – Почему это кажется ей таким невероятным? Она удивилась сама себе. Но все равно, это просто абсурд.

– Ребенок родится в июне. Мы с мужем сначала решили убедиться, что все в порядке, прежде чем сказать тебе. У меня срок уже три месяца.

– О! – Пилар откинулась на спинку стула. – У меня нет слов! – Ее так мало занимал вопрос о детях, во всяком случае, до сегодняшнего утра, что она просто не знала, что сказать. – Ты счастлива, дорогая? – А может, Нэнси напугана? Вздволнована? Что в таких случаях чувствует женщина? Она никогда не могла себе этого представить и никогда не хотела. Единственное, чего она хотела, это *никогда* не испытывать таких чувств.

– Я страшно счастлива, и Томми просто в восторге.

Ее мужу было двадцать восемь, и он работал в Ай-би-эм. Он серьезно относился к своей работе и скорее всего отцом будет замечательным, Пилар в этом не сомневалась. И все-таки для них с Брэдом они всегда были детьми. Даже Тэдди, младший брат Нэнси, казался более взрослым, чем эти двое.

– Это правда здорово! Сначала я чувствовала себя неважно, но теперь все в порядке, – сказала она, подбирая с тарелки остатки шоколадного крема, а мачеха все смотрела на нее как зачарованная.

– А еще одного малыша ты хочешь? – Пилар спросила это в шутку, но падчерица серьезно кивнула:

– Конечно.

– Нэнси, неужели это правда! Ты будешь весить двести фунтов, когда придет пора рожать.

– Зато у меня будет малыш. – Молодая женщина застенчиво улыбнулась, и Пилар, забывая счет, не выдержала и рассмеялась. Потом она наклонилась и поцеловала падчерицу.

– Удачи тебе, дорогая. Я очень рада за вас обоих. Отец будет потрясен, это же его первый внук!

– Да, я знаю. Я думаю, мы навестим вас в конце недели, чтобы сообщить ему эту новость. А ты до тех пор не говори ему ничего, ладно?

– Конечно, не скажу. Еще бы! Испортить такой сюрприз! – Пилар была приятно удивлена тем, что эта девочка, та самая, которая когда-то относилась к ней как к врагу, теперь делится с ней своим секретом, причем делает это до того, как сказать обо всем отцу. В этом была какая-то закономерность и вместе с тем ирония. Во всяком случае, теперь можно с уверенностью сказать, что их отношения полностью наладились.

Они распрощались перед рестораном, и Пилар вернулась в офис.

«Ну вот, – усмехалась она про себя, – все озабочены тем, собираемся ли мы с Брэдом завести ребенка, а мы между тем собираемся завести внука». Но работа вскоре вытеснила из головы Пилар и Нэнси, и ее новость.

День выдался тяжелый, работы было много, и, когда Брэд заехал за ней, чтобы отвезти ее пообедать, она почувствовала невероятное облегчение. Пилар очень устала, и мысль о том, что надо готовить обед, отнюдь не придавала ей бодрости. Они удобно расположились в маленьком ресторанчике «У Луи», и Брэд, делая заказ, был, казалось, в отличном настроении.

– Что это с тобой сегодня? – Она улыбнулась, глядя на мужа, уселась поудобнее и начала есть. Для нее это был не совсем обычный день. Правда, он был, как всегда, заполнен напряженной работой. И в то же время несколько эпизодов, произошедших в течение дня, заставили ее задуматься и пережить чувства, которых она раньше никогда не испытывала. Пилар все еще не могла переварить новость Нэнси.

– Я сегодня наконец-то закончил дело, которое совершенно вымотало меня. Мне прямо танцевать хочется от облегчения. – Он рассматривал в суде дело, которое тянулось уже два месяца и было ужасно утомительным, а порой откровенно скучным.

– Ну и как?

– Жюри присяжных оправдало обвиняемого, и я полностью согласен с ними.

– О, тогда сегодня для него очень счастливый день. – Пилар вспомнила, как сама когда-то защищала подсудимых и как те бывали довольны, если суд оправдывал их.

– Не только для него, поверь мне. – Брэд блаженно улыбался, и видно было, что он действительно расслабился. – Я приду домой и буду отдыхать, а не возиться с бумагами, готовясь к завтрашнему заседанию. А как у тебя? Похоже, тоже выдался тяжелый день?

– Да. Тяжелый и интересный. Я сегодня столкнулась с делом, когда женщина вынашивает ребенка по заказу бездетной пары. Отец ребенка по глупости связался с несовершеннолетней девицей, заплатил ей деньги, чтобы она родила ему ребенка, а она в конце концов отказалась отдать малышку. Власти даже попытались привлечь его к суду, все из-за ее возраста, правда, его оправдали, но ребенка даже увидеть не разрешают. Странная пара. В их привязанности к ребенку чувствуется какое-то отчаянное безрассудство. Ведь они ее даже ни разу не видели, а так любят. И ты знаешь, на меня почему-то это подействовало угнетающе... Я весь день только о них и думала. Жаль, что им нельзя помочь! Конечно, если им повезет, они смогут добиться разрешения посещать ребенка, но это все. Если, конечно, мать не будет с ним дурно обращаться. Ты знаешь... как тебе объяснить... Даже представить трудно, что они сейчас чувствуют... Они так много сделали ради этой малышки. Все свои сбережения отдали, сначала ее матери, а потом, что осталось, – адвокатам... И вот, пожалуйста, результат... Черт, ну почему он связался с несовершеннолетней!

– Боюсь, если бы она даже была совершеннолетней, у него все равно были бы проблемы. Ты же знаешь, чем чаще всего оборачиваются такие случаи? Я могу привести тебе дюжину подобных примеров. Никому подобным способом заиметь ребенка не удавалось.

– Кому-то, может быть, и удавалось.

– Но зачем? Почему ребенка нельзя просто усыновить? – Брэд любил беседовать с ней, спорить, предлагать идеи и обсуждать случаи ее клиентов... Они в этих спорах никогда не заходили слишком далеко. Но подобные дискуссии всегда напоминали ему те времена, когда они были оппонентами в суде: он – обвинителем, а она – защитником. Иногда он искренне скучал по тем временам.

– Некоторые не имеют возможности усыновить ребенка. Ну, например, если они слишком бедны или слишком стары. И вообще найти подходящего малыша не так-то просто. Между прочим, для тех двоих было особенно важно, что это *его* ребенок. Его жена призналась, что не может иметь детей, таким тоном, как будто совершила тягчайшее преступление. – Брэд смотрел на жену с удивлением. Он никогда не видел, чтобы она так сильно переживала. Казалось, от ее слов так и веяло печалью и безысходностью.

– Как ты думаешь, они еще появятся?

– Нет, не думаю, – покачала головой Пилар. – Видишь ли, я им сказала всю правду, ну, то, что я думаю об их деле, и им это скорее всего не понравилось. Я сказала, что дело может затянуться на неопределенный срок, а результат может оказаться не тот, какого они ждут, и что я почти ничем не могу им помочь. Я не хотела подавать им ложную надежду, ведь это было бы жестоко, правда?

– Жаль, что это не мой ребенок, а то я бы им его подарил. – Они закончили есть первое, и он рассмеялся, но Пилар не приняла шутки. И ему всегда в ней нравилось именно это – она никогда никого не обманывала.

– Я должна была сказать им правду, – пыталась объяснить она то, что было очевидно. – Они прямо-таки жаждут отвоевать эту малышку. Мне вряд ли удастся понять их чувства.

Ей много чего было трудно понять. Например, чувство явного и полного удовлетворения, которое испытывает Нэнси, ожидающая ребенка. Пилар видела это, но понятия не имела, что та ощущает. Наблюдая за падчерицей сегодня, она почувствовала себя прохожим, заглянувшим в чужое ярко освещенное окно. Ей понравилось то, что она там увидела, но попасть туда она не могла, да и не хотела. Точно так же ей были совершенно чужды чувства радости и восторга по поводу рождения ребенка.

– Ну хорошо, а сама-то ты чем так опечалена? – Он внимательно наблюдал за ней, протянул руку и накрыл ладонью ее кисть. Она улыбнулась:

– Я не знаю... может, я стала старой и меня потянуло на философию... а иногда мне кажется, что я сильно изменилась, и это меня слегка пугает.

– Скорей всего, ты еще находишься под впечатлением того, что мы поженились. – Брэд попытался превратить все в шутку. – Вот я так точно изменился. Чувствую себя помолодевшим лет на пятьдесят. – Но, взглянув на нее, он стал серьезным. – Что заставило тебя решить, будто ты изменилась?

– Не знаю. – Пилар не могла рассказать ему про Нэнси, поэтому решила схитрить: – Я сегодня завтракала с одной приятельницей. Она сказала мне, что беременна, и так волновалась из-за этого, что странно было смотреть.

– Первый ребенок?

Она кивнула.

– Как же не волноваться? – продолжал Брэд. – А вообще-то дети есть дети, и будь у тебя их хоть десять, всегда будет казаться, что еще один не помешает. И, наверное, женщина, обнаружив, что она беременна, хоть в первый раз, хоть в десятый, все равно будет волноваться. А с кем ты завтракала? Я ее знаю?

– Да одна из наших девушек из офиса. Может быть, сыграло роль то, что я поговорила с ней сразу после ухода тех людей, ну, которым так не повезло с ребенком... Они так волновались и переживали... Но почему, черт возьми, они так уверены, что им нужен ребенок? Почему они уверены, что, когда вырастет, он будет их любить и уважать? Боже мой, Брэд, ведь принятие такого решения – это ответственность на всю жизнь! Как же они не боятся?

– Я полагаю, что здесь нечего бояться. И вообще что-то ты много вопросов задаешь на эту тему. Может, это и к лучшему, что мы обошлись без подобных проблем. – За все годы их знакомства Пилар никогда не поднимала вопроса о детях. Он тоже этого не делал, но у него-то дети были. Если уж на то пошло, они имели все: друг друга, работу, общие интересы, общих друзей, его детей, в конце концов. Они ездили в Лос-Анджелес, Нью-Йорк, путешествовали по Европе, как только выпадала такая возможность. Конечно, родись у них ребенок, проблем бы прибавилось, и, хотя они не были неразрешимыми, что-то, несомненно, поменялось бы в их жизни. Но дело в том, что Пилар никогда даже не заикалась на эту тему.

– Откуда ты знаешь, что это к лучшему? – Она посмотрела ему прямо в глаза.

– Боже мой, Пилар, но ты же никогда ничего мне не говорила! – Брэд был поражен, заметив в ее глазах тоску и неудовлетворенность, которых раньше никогда не видел. Это длилось всего мгновение, она тут же взяла себя в руки, и он решил, что ему показалось.

– Я просто хочу сказать, что ничего не понимаю. Не понимаю, что они чувствуют и почему... И почему я этого никогда не чувствовала?

– Может, придет день, и ты тоже это почувствуешь. – Он сказал это серьезно, но на этот раз она приняла его слова за шутку.

– Да, когда мне исполнится пятьдесят. Знаешь, мне кажется, что сейчас уже поздно об этом думать. – Пилар вспомнила, как мать предостерегала ее в день свадьбы.

– Нет. Я думаю, если ты действительно этого захочешь, то никогда не поздно. Вот я – это совершенно другое дело... В общем, если ты вдруг захочешь подарить мне ребенка, подари сначала инвалидную коляску и слуховой аппарат.

– Не волнуйся, любимый, мы обойдемся без всего этого. «И без малыша тоже», – подумала Пилар. Вовсе она не хотела ребенка, просто на нее так повлияли события сегодняшнего дня. И впервые в жизни Пилар вдруг почувствовала неудовлетворение и какую-то пустоту. Но она тут же заставила себя вспомнить о том, что она имела в жизни, и убедила себя в том, что подобные мысли – просто безумие.

Глава 3

Рождество в семье Гуди всегда было самым главным семейным праздником. Гейл с Джеком и тремя дочерьми приезжали каждый год к родителям Гейл, потому что родители Джека уже давно умерли. Сэмми с Сеймусом и с детьми тоже почти каждое Рождество проводили в Пасадене по той простой причине, что семья Сеймуса жила в Ирландии, и отправляться на рождественские праздники на зеленый остров было слишком сложно. Но Сеймус никогда не жалел об этом и всегда был счастлив провести несколько дней с тещей, тестем, свояченицами и племянниками.

Это Рождество Диана с Энди, конечно, проводили в Пасадене. Когда накануне Рождества сестры накрывали на стол, Гейл подтолкнула Диану локтем и посмотрела на нее тем самым взглядом, который Диана ненавидела с самого детства. Гейл смотрела на нее так, когда знала, что сестра получила плохую оценку или у нее сгорело печенье, которое было предназначено для собрания скаутов. Это был взгляд, который говорил: «Вот видишь, ничего у тебя не получилось... ты не смогла справиться даже с такой ерундой, так как же можно с тобой вообще иметь дело?» Это был немой диалог, который понимали только они двое. Диана сделала вид, что ничего не заметила, и продолжала аккуратно раскладывать салфетки.

– Ну? – Гейл посмотрела на сестру в упор, продолжая расставлять тарелки. – Что молчишь? – Она не могла поверить, что Диана настолько глупа, что не понимает вопроса. Конечно, все она прекрасно поняла, и Гейл продолжала сверлить ее взглядом. Но тут она заметила, что Сэмми с беспокойством на них поглядывает – ей совсем не хотелось, чтобы сестры разругались перед самым Рождеством. Тогда Гейл решила спросить напрямик:

– Ты еще не беременна?

Да, это опять была плохая оценка. Это была задачка, с которой Диана не могла справиться до сих пор, и рука у нее слегка дрогнула, когда она взяла последнюю кружевную салфетку, чтобы положить ее на пустую тарелку. Они расставляли на столе приборы, которые мама доставала только на Рождество. В центре стоял огромный букет красных тюльпанов, и это придавало праздничному столу еще более торжественный вид.

– Нет, я еще не беременна. Рождение ребенка пока не входит в наши планы. – «Тебе необязательно знать о том, что я составила график и мы вот уже полгода занимаемся любовью в самое подходящее для зачатия ребенка время», – мысленно добавила она. Но уж кому-кому, а сестре-то она этого ни за что не скажет! – Мы оба страшно заняты.

– Чем, интересно? Карьерой? – Гейл сказала это таким тоном, будто Диана занималась на работе чем-то позорным. Ну конечно, ведь, по мнению Гейл, *настоящая* женщина должна сидеть дома и воспитывать детей. – Ты разве не хочешь заселить пустые комнаты в том огромном доме, который вы купили? Поверь мне, дорогая, тебе следует сейчас заниматься именно этим. И запомни: время работает не на тебя.

«Так ли? – подумала Диана. – А на кого же?» Конечно, сестры нарожали детишек и теперь пристают к ней. Но именно этого она и боялась. Она даже предлагала Энди поехать на Рождество к его родителям. Но ему, к сожалению, не удалось взять недельный отпуск на работе, а из Лос-Анджелеса они просто не могли не приехать в Пасадену. Ее родители страшно бы обиделись, они никогда не простили бы им этого.

– Подумаешь, большое дело! – вмешалась Сэмми. Она всегда пыталась предотвратить их ссоры, и чаще всего ей это удавалось. – У вас впереди еще полно времени. Вы оба совсем молодые. Вот увидишь, в этом году ты обязательно забеременеешь.

– Кто забеременеет? О нет, хватит! – воскликнул Сеймус, который, направляясь в кухню, как раз проходил через гостиную. – Да на вас, девчонок, стоит только глянуть, как вы тут же начинаете кричать: «Беременна!» – Он закатил глаза и передернулся, а они рассмея-

лись, глядя, как он исчез в дверях кухни, но тут же снова высунул оттуда голову. – А что, недавняя невеста беременна?

Ну вот, надо было ему об этом спрашивать! Диана отрицательно качнула головой. В этот момент она проклинала себя за то, что приехала домой. Эти вопросы были ей как нож в сердце, и впервые в жизни ей показалось, что она ненавидит их всех, а особенно сестер.

– Нет, Сеймус.

– Ну что ж... попробуйте еще... и еще... и еще... Представляешь, как вам будет хорошо? Счастливчик Энди!

Он снова исчез за дверями кухни под громкий смех Сэмми и Гейл, но Диане не было смешно. Она молча вышла и отправилась на кухню, чтобы помочь матери.

Она сама вернулась к этой теме позже, после обеда, когда они с Джеком оказались наедине в кабинете отца. Остальные играли в гостиной в шарады, а Диана уединилась с отцом, но тот побыл с ней недолго и вскоре ушел спать. А она все сидела у камина в кабинете отца, раскачиваясь в его любимом кресле, когда вошел Джек и сел напротив.

– С тобой все в порядке? – Он не спеша набил трубку и раскурил ее. Во время обеда Джек все время наблюдал за ней, и ему показалось, что вид у нее не очень радостный.

– Да, конечно, со мной все в порядке. – Диана обеспокоенно взглянула на него и вдруг, неожиданно для себя, решилась: – Джек, только не говори ничего, пожалуйста, Гейл... Ты знаешь, я хочу спросить... я давно уже хотела поговорить с тобой... Ну, в общем, как ты думаешь, сколько времени нужно женщине, чтобы забеременеть?

Он не выдержал и улыбнулся:

– Две недели... пять секунд... два года... для всех по-разному, Диана. Вы женаты всего полгода, ведете напряженную жизнь, полную забот и стрессов. Я думаю, вам еще год не стоит об этом волноваться. Существует расхожее мнение, что если женщина не предохраняется два года и не беременеет, то это действительно проблема. Другие полагают, что беспокоиться стоит уже через год. Да, в моей практике были пары, которым в совершенно идеальных условиях требовался год – ты слышишь? год! – чтобы зачать ребенка. Если бы вы были старше, тогда беспокойство после шести месяцев замужества было бы оправданно. А в вашем возрасте я бы и не думал волноваться по этому поводу, по крайней мере, еще год или два.

Она, казалось, сразу же успокоилась и едва успела поблагодарить его, как в комнату вошел Энди. Они долго еще сидели втроем и разговаривали обо всем на свете: о мировой экономике, о бесконечных проблемах Ближнего Востока, о работе, о планах на предстоящий год. И в первый раз за многие месяцы Диана чувствовала себя легко и счастливо. «Может, я наконец обрела надежду», – подумала она, когда они уходили. И все благодаря матери и Джеку. На прощание она крепко обняла зятя, и он, сообразив, что она благодарит его, улыбнулся в ответ.

– Береги себя, – сказал он, садясь в машину.

Остальные остались ночевать, чтобы внуки могли на следующий день провести Рождество с дедом и бабушкой. Но Дианы все это не касалось. Единственное, чего она отчаянно хотела, это оказаться дома вместе с Энди.

– С тобой все в порядке, любимая? – спросил он, пока они мчались по пустынным в этот час улицам.

– Мне так хорошо, – ответила она с улыбкой. И вдруг поняла, что за все эти месяцы впервые сказала правду и ей действительно хорошо.

Она уютно устроилась на сиденье, прижавшись к мужу, и больше до самого дома никто из них не проронил ни слова. Это был длинный и хороший день.

Добравшись до дома, они сразу же пошли в спальню и долго лежали обнявшись, делясь друг с другом тем, что загадали на этот год. И Диана была совершенно спокойна и счастлива,

и, когда они отдавались друг другу в эту ночь, она в первый раз со дня свадьбы не думала о том, что им надо зачать ребенка. Дни были неблагоприятные, но это не имело значения: они занимались любовью, потому что им хотелось этого, не думая о дне и часе, о той цели, которую они преследовали, и о том, достигнут они ее на этот раз или нет.

* * *

– О боже, как я тебя люблю... – Голос у Чарли дрогнул от переполнявшей его нежности. Рождественская елка переливалась множеством огоньков, и Барби опять оказалась на кушетке в объятиях мужа.

– Что это с тобой? – полунасмешливо-полуудивленно спросила она. – На тебя что, так действует светящаяся елка? – Они уже третий раз за ночь занимались любовью, и Чарли не выпускал ее из объятий буквально ни на минуту. Он не давал ей одеться, и она, голая, ходила по комнате, пока его возбуждение не достигало предела и он снова не увлекал ее в постель.

– Я просто без ума от тебя. – Они лежали рядом, расслабившись, и он пробормотал это, уткнувшись лицом ей в волосы.

Он сделал ей рождественский подарок, который, на его взгляд, ей должен был понравиться. Это было золотое ожерелье с аметистом, а аметист был ее камнем. Барби подарила ему свитер и галстук, бутылку французского шампанского и специальную маленькую подушечку, которую он мог подкладывать под спину в машине, когда ездил в город на работу и обратно. Чарли очень понравились подарки, и Барби была в еще большем восторге от его подарков. Он купил ей, кроме ожерелья, черную кожаную юбку и открытый черный свитер, в котором она выглядела необыкновенно сексуально.

– Как насчет того, чтобы выпить твоего шампанского? – Барби приподнялась на локте и, разомлевшая от усталости и удовольствия, смотрела на него.

– Гм-м, – он потянулся и снова уложил ее рядом, – пожалуй, я поберегу его.

– Для чего? – Она слегка расстроилась. Барби обожала шампанское, поэтому и купила бутылку.

– Я оставлю его для другого, более важного события.

– Какого же? Судя по твоему сегодняшнему поведению, Рождество – очень важное событие.

Чарли рассмеялся и потряс головой:

– Нет, я имею в виду действительно важное событие. Например, если ты получишь премию академии, или роль в картине Стивена Спилберга, или главную роль в каком-нибудь сериале, или, может, на десятилетие нашей свадьбы... или... – Он вдруг приподнялся и торжественно произнес: – Или когда у нас родится ребенок.

Она уселась на кровати, и в голосе ее послышалось раздражение:

– Да, просто замечательно. Но все эти события никогда не произойдут! И мне кажется, что ты свое шампанское никогда не откроешь!

– Уверен, что открою.

– Да? И когда же? Я надеюсь, ты не собираешься ждать рождения ребенка. – Его слова насчет ребенка прямо-таки взбесили ее. Она и слышать об этом не хотела.

– Но почему, Бэб? – Он так хотел, чтобы у них был малыш, тогда ведь они станут настоящей семьей. Ну почему Барби этого не хочет понять?

– Потому что я не хочу! Поверь мне, я выросла в окружении горластых сопляков и до сих пор вспоминаю это с отвращением! Ты никогда не видел ни одного ребенка, поэтому не знаешь, что это такое! – Теперь она гораздо чаще говорила о том, что не хочет иметь детей, чем до свадьбы.

– Ну почему же не видел? Видел. Я сам был одним из них. – Он хотел поддразнить ее, но она не отозвалась. Ей вообще не нравилась эта тема.

– Между прочим, может, у нас и не будет никогда детей. – Барби сказала это, пытаясь увести его от этой темы, может быть, слегка напугать, чтобы он в будущем не заводил подобные разговоры.

– Как не будет? – Чарли был явно шокирован. Она раньше никогда не говорила ничего подобного, во всяком случае так резко. – У тебя что, что-то не в порядке? Почему ты мне ничего не говорила?

– Я не знаю, в порядке или не в порядке, но с тобой я почти не предохраняюсь, потому что у тебя вечно все так неожиданно... так что я не успеваю ничего предпринять... Мы, между прочим, живем вместе уже полтора года, и я до сих пор не забеременела.

Чарли чуть не спросил ее, получалось ли у нее это с кем-нибудь другим, но, решив, что не хочет этого знать, оставил вопрос при себе.

– Но это ничего не значит. Мы просто делаем это не тогда, когда нужно. Ты же знаешь, чтобы ты забеременела, нужно специально высчитать благоприятный момент.

Много он знает! Сколько раз она залетала! Три раза в Солт-Лейк-Сити и два – в Вегасе. Как бы она ни предохранялась, ей не везло. Пока что обходилось только с Чарли. И она, кстати, уже не раз с удивлением думала об этом. Может быть, в этом виноваты они оба, а может – только Чарли, и, зная себя, она склонялась к последнему, но это-то уж ее несколько не волновало. Скорее даже радовало. Но, взглянув на него, она поняла, что не стоит говорить ему об этом. Во всяком случае, не в рождественскую ночь.

– Слушай, а от тебя кто-нибудь залетал? – спросила Барби, разлив вино и протягивая ему бокал. Он смотрел на ее обнаженное тело, и она заметила, что он опять возбужден. Нормальная здоровая реакция.

– Мне никто никогда об этом не говорил, – сказал он, задумчиво отхлебывая вино и неотрывно глядя на нее.

– Ну, вообще-то это ничего не значит, – пожала она плечами, уже пожалев о том, что затронула эту тему. Не стоило портить ему Рождество. – Девчонки, знаешь ли, не всегда говорят об этом своим парням.

– Правда?

Он налил себе еще бокал вина, а потом еще один и после третьего попытался повалить ее, но ничего уже не смог сделать, потому что был слишком пьян. Барбара помогла ему перебраться в спальню и уложила на кровать, а сама устроилась рядом. Он крепко обнял ее, почувствовав, как ее пышная грудь прижимается к его груди, и пробормотал:

– Я люблю тебя. – Она была так сексуальна, так красива, так желанна... В общем, Барби была классная девчонка, и он ее очень любил.

– Я тоже тебя люблю. – Она гладила его по волосам, как ребенка, и он вскоре заснул у нее в объятиях. Барби гадала, почему же он так хочет ребенка. Конечно, она прекрасно понимала, что такое приют, но, что такое семья, она тоже знала. И снова становиться членом такой семьи или даже просто забивать себе голову мыслями о ребенке она не имела никакого желания.

– Приятных снов, – прошептала она, целуя его, но Чарли уже крепко спал, успокоенный ее ласковыми руками, и видел во сне рождественское утро.

Глава 4

Как-то в мае Пилар пригласила Нэнси к себе на ленч. Брэд ушел играть в гольф, а муж Нэнси уехал из города на несколько дней. В общем, для женщин это была прекрасная возможность встретиться и поболтать всласть.

Пилар готовила ленч, пока падчерица сидела на террасе, нежась на солнце. Через несколько недель она должна была родить и, по мнению мачехи, чудовищно располнела. Не отворачивая лица от солнца, Нэнси приоткрыла один глаз и увидела мачеху, входящую с подносом. Для своих объемов она довольно легко соскочила с кресла и бросилась помогать ей. На ней были широкие белые шорты и просторная розовая рубашка, всего неделю назад эта будущая мамаша все еще играла с мужем в теннис.

– Пилар, дай я помогу. – Она забрала у мачехи поднос и поставила его на стеклянный столик. Пилар приготовила аппетитный зеленый салат с макаронами. – О! Вот это да! Выглядит замечательно!

В последние восемь месяцев аппетит у нее был просто невероятный, но ее полнота вовсе не казалась чрезмерной, наоборот, выглядела очень мило. И в самом деле, Пилар сама недавно сказала Брэду, что его дочь благодаря своей беременности очень похорошела. Черты лица у нее сделались мягче, а в глазах появилось выражение глубокого спокойствия и умиротворенности. Она была окружена какой-то особой аурой, которая очень заинтересовала Пилар. Она и раньше замечала нечто подобное, наблюдая за другими женщинами, но сама никогда не испытывала ничего похожего. Один вид Нэнси вызывал в ней любопытство. И вместе с тем почему-то страх. Но больше всего Пилар была огорчена своими собственными чувствами. Ей казалось, что и она изменилась. А все, что касалось падчерицы, прямо-таки зачаровывало ее. Казалось, та стала мягче, нежнее, женственнее, как говорил ее муж. Каким-то удивительным образом она вдруг повзрослела за эти восемь месяцев, и в ней не осталось ничего от избалованного ребенка.

Женщины уселись за стол, и Пилар продолжала с улыбкой наблюдать за падчерицей. Казалось, та засунула под свою розовую рубашку огромный надувной мяч. И ей приходилось тянуться, чтобы взять что-нибудь со стола.

– Расскажи мне, что ты чувствуешь? – попросила Пилар. Все это было так необычно. Многие из ее подруг были в свое время беременны, но ни с одной она не была настолько близка, чтобы обсуждать их положение. Она больше общалась с теми женщинами, которые предпочли делать себе карьеру, а не рожать детей. – Ты чувствуешь что-нибудь странное?

Они ели салат, и Пилар так пристально вглядывалась в глаза падчерицы, как будто хотела увидеть там разгадку тайны мира.

– Даже не знаю, – улыбнулась Нэнси, – иногда мне кажется, я чувствую себя немного необычно. Но к этому привыкаешь. И я просто забываю об этом. А иногда мне кажется, что я всегда такой была. Уже несколько недель я не могу сама завязывать себе шнурки. И Томми приходится делать это. Но самое странное знаешь что? Самое странное – это сознавать, что там, у меня в животе, находится маленький человечек, который в один прекрасный день появится на свет и будет похож на кого-то из нас. Он или она будет зависеть от нас, и не только первое время, нашему ребенку придется полагаться на нас всю свою жизнь. В общем, я понятия не имею, как можно объяснить все эти чувства.

– Вот и я не имею понятия, – грустно сказала Пилар. Хотя что-то она должна была знать, ведь уже четырнадцать лет она испытывает нечто подобное по отношению к Нэнси и Тэдди. Но все-таки это было совсем не то. Они не были ее детьми, и, если бы они с Брэдом развелись, она могла бы вообще не видеться с ними, хотя ей трудно было представить подобное. Но она могла бы так поступить, потому что это были не ее дети. А вот у Нэнси

будет свой ребенок, и он будет принадлежать ей всегда. Он будет частью ее и частью Тома, но все же это будет самостоятельный человек. И до конца жизни они будут нести за него ответственность. Одна только эта мысль всегда приводила Пилар в ужас, а теперь она вдруг нашла ее невероятно трогательной.

– Мне кажется, это просто замечательно! Это же будет совершенно новая жизнь! Ты откроешь для себя целый мир, общаясь с человеком, который будет частью самой тебя и будет иметь множество твоих черт, а может, не будет иметь ни одной. Это же просто потрясающе, правда?

Ее интерес был совершенно искренний, хотя Пилар вынуждена была признаться, что ей лично такая ответственность все еще внушала ужас и она сама ни за что не захотела бы родить. Сами роды пугали ее, и, глядя на огромный живот падчерицы, она нисколько не завидовала ей, зная, через что ей придется пройти. Пилар один раз видела фильм о родах, и ее не оставляла радостная мысль о том, что ей никогда не придется пережить ничего подобного.

– Странно, – проговорила Нэнси, откидываясь на спинку кресла и задумчиво глядя на океан, – но я почти совсем не думаю о том, какие у нас будут отношения, или о том, будет ли он похож на нас с Томом... Я думаю только, какой наш малыш будет миленький и маленький и такой беспомощный... А Томми тоже ужасно волнуется. – Нэнси всегда была такой: это было самое большое событие в ее жизни, ей бы следовало волноваться перед родами, но все, о чем она может думать, – это малыш.

Вдруг она посмотрела на Пилар и задала вопрос, который не решалась задать все эти четырнадцать лет:

– А вы с отцом... ну, я имею в виду... почему у вас нет детей? – Нэнси еще не закончила фразу, а уже пожалела, что спросила об этом. Вдруг у Пилар какие-то проблемы со здоровьем?

Но та лишь улыбнулась в ответ и пожала плечами:

– Я никогда этого не хотела. Ты знаешь, у меня было странное, если не сказать тяжелое, детство, и я не хотела, чтобы подобное повторилось с кем-то еще. И потом, у нас были вы с Тэдди. Но я, если честно, никогда не хотела иметь своих детей, даже в молодости. Я думаю, что, когда зрело мое сознание, этот пункт – насчет детей – вообще не был в него заложен. Я наблюдала за женщинами, которые выходили замуж после школы: они сразу обзаводились двумя-тремя детьми и вели образ жизни, который со временем начинали ненавидеть. Мне всегда казалось, что они попались в ловушку. Они никогда ничего не знали и не видели, кроме кастрюль, подгузников и детских болезней. И для меня это был отличный пример, я всегда знала, что мне выбрать, и, поверь, я бы никогда не выбрала детей. А когда я попала на юридический факультет, тут у меня даже выбора не осталось. У меня была работа, карьера, потом я встретила твоего отца и... В общем, я никогда не оглядывалась назад. А те, кто двадцать лет назад нарожал детей... ну, они сидят дома, а дети уже давно выросли и разъехались. И вот эти женщины удивляются: как же так прошла жизнь? А я... Я очень рада, что моя жизнь сложилась иначе, ведь я бы ее ненавидела, каждую минуту ненавидела бы себя и человека, который был бы рядом со мной...

– Но ведь совсем не обязательно, чтобы все было бы именно так. – Нэнси сказала это очень мягко. Она не только стала нежнее за эти восемь месяцев, но как будто вдруг повзрослела и поумнела. Ее внутренний мир, казалось, рос вместе с животом. – Ты знаешь, у меня есть подруги, которые успевают и то, и другое. Я хочу сказать, у них и с карьерой все в порядке, и малыши есть. Нет, правда, это и врачи, и адвокаты, и психологи, и писатели... И знаешь, им совсем не надо было ничего выбирать.

– Ваше поколение в этом отношении более удачливое. Нам было труднее. В большинстве случаев перед нами стоял выбор: или ты работаешь, пробиваешься к вершине и обеспечиваешь себе карьеру, или... ничего не делаешь, скатываешься вниз и... рождаешь детей.

Как видишь, для нас все было гораздо проще. Теперь, кажется, женщины научились все совмещать, но все равно в большинстве случаев это зависит от благосостояния мужа, от того, согласится ли он на это, ну и от желания, конечно. Ведь, если хочешь иметь и семью, и карьеру, придется отказаться от очень многих удовольствий в жизни. Может, это и к лучшему, что передо мной никогда не стоял этот выбор. Я думаю, твой отец был бы рад ребенку, он ведь вас с Тэдди очень любит. Но поверь мне, я просто не нуждалась в этом. Меня никогда не одолевало чувство неудовлетворенности, которое гложет многих женщин, пока они не родят ребенка. Я слышала разговоры на эту тему и поняла, что это как болезнь. Слава богу, меня она миновала. – Но теперь, произнеся эти слова, Пилар почувствовала смутную боль. Так иногда бывает, когда совершенно здоровый зуб вдруг начинает слегка ныть.

– Но ты правда не жалеешь об этом, Пилар? Тебе никогда не казалось, что когда-то давно ты сделала не тот выбор? А вдруг ты когда-нибудь задумаешься, оглянешься назад и пожалеешь, что у тебя нет своих детей? А ведь тебе еще не поздно, ты сама знаешь. Я знаю двух женщин, они родили недавно, и обе – старше тебя.

– Да, и кто же они? Ну, впрочем, одна – библейская Сара, а кто же вторая?

Пилар рассмеялась, но Нэнси настаивала, что она еще совсем не старая и вполне может родить. Что-то подсказывало ей, что Пилар может переменить решение, принятое ею когда-то. Да, призналась себе Пилар, в последнее время она несколько раз задумывалась о детях, особенно после того, как Нэнси забеременела; но полагала, что причина этого в ее возрасте: просто ее биологические часы подсказывали, время неумолимо проходит, и у нее осталась последняя возможность. Но она вовсе не собиралась ею воспользоваться, как бы трогательны ни были ее мысли и чувства и как бы ни умилял ее вид живота падчерицы. Вовсе она не хочет иметь ребенка, просто к старости сделалась немного сентиментальна. Все это внушала себе Пилар, убирая со стола.

– Нет, я не думаю, что буду жалеть когда-нибудь... Конечно, хорошо иметь ребенка, иметь кого-нибудь, с кем можно поговорить, и кто бы тебя любил, и кого бы ты любила... Когда через тридцать лет я буду сидеть на балконе в своем любимом кресле-качалке, мне, конечно, будет очень приятно, если кто-то близкий придет навестить меня... но я думаю, что это будешь ты. И этого вполне достаточно. Я ни о чем не сожалею в жизни. Я всегда делала что хотела, когда хотела и как хотела. А это, согласись, совсем не мало значит. Чего еще можно пожелать? – Или все-таки есть что-то еще?... Откуда, черт возьми, эти неясные сомнения? Она всю жизнь была так уверена в себе, всегда знала, что все делает правильно. Ошибиться она не могла... Или могла?

– Да ладно, я просто не представляю тебя сидящей в кресле, хоть через тридцать лет, хоть через пятьдесят! Я даже отца не могу представить себе таким. Вы никогда не постареете. Слушай, может, тебе все-таки стоит еще раз хорошенько подумать об этом? – Сама она подумала, что ее малыш будет таким замечательным, что каждый, кто его увидит, не сможет этого не признать.

– Нет, я уже стара, чтобы об этом думать, – твердо сказала Пилар, пытаясь убедить скорее себя, – мне уже сорок три. Мне больше подходит быть бабушкой, тем более что и внук-то вот-вот появится. – Но, произнося эти слова, она почувствовала какую-то странную грусть, и это ее очень удивило. Как будто она вдруг перешагнула середину своей жизни. Была молодой – стала старой. Никогда не рожала детей и вдруг стала бабушкой. У нее было такое чувство, как будто она пропустила удивительный праздник.

– Не понимаю, почему ты вбила себе в голову, что слишком стара. Для женщины сорок три – это вовсе не возраст. В эти годы многие женщины рожают, – стояла на своем Нэнси.

– Ты права, многие рожают, но многим это и не удастся. И мне кажется, что скорей всего я отношусь ко второй половине. Во всяком случае, она мне ближе. – С этими словами Пилар вошла в дом, чтобы приготовить себе кофе. Они поболтали еще немного, и вскоре

после полудня Нэнси ушла. У нее были кое-какие дела, а вечером ее ждал обед в компании друзей. Казалось, падчерица наслаждается своей беременностью, и, пока они беседовали, Пилар не спускала с нее глаз. Нэнси держала голову слегка склоненной к животу, как будто все время обращалась к нему, и пару раз мачеха заметила, как дернулась ее розовая рубашка – это ребенок дергался и пинался; а Нэнси каждый раз смеялась и говорила, что малыш очень подвижный.

Оставшись одна, Пилар стала бесцельно слоняться по дому. Она вымыла посуду, потом села за стол и долго смотрела в окно. Она принесла с работы несколько папок с делами, которые собиралась просмотреть за выходные, но в голову ничего не лезло, и она поймала себя на мысли, что из головы не выходит утренний разговор с падчерицей. Этот вопрос, который задала Нэнси: «Ты уверена, что однажды не пожалеешь?.. Ты уверена, что, когда станешь старой, тебе не захочется, чтобы рядом был кто-то родной?..» А что будет, если Брэдфорда вдруг не станет? Не дай бог, конечно, но вдруг такое случится? И что же тогда у нее останется? Воспоминания и дети от другой женщины? «Да, может, это и нелепо, но своих-то детей у тебя нет. Вот если бы они были, на них можно было бы опереться. А если бы их вдруг не стало, то у тебя бы остались воспоминания о них...» Так зачем же все-таки рожают детей? И почему она никогда не хотела этого? Она и сейчас не хочет, просто этот вопрос начинал преследовать ее как навязчивая идея. Но почему именно сейчас? После стольких лет.. Что это? Она что, завидует Нэнси или жалеет о прошедшей молодости? Или это просто навязчивая идея, первые признаки наступления климакса? А может, это начало конца или, наоборот, начало чего-то нового? Или это все вздор? Ни на один из этих вопросов она не находила ответа.

Наконец, не в силах больше совладать со своими мыслями, Пилар отложила папки с делами и позвонила Марине. Она не была уверена, что поступает правильно, когда набирала номер, но сдержаться не могла, чувствуя, что должна с кем-то поговорить. После беседы с Нэнси она прямо-таки не находила себе места.

– Алло? – Автоответчик говорил строгим голосом, которым Марина пользовалась в суде, и Пилар улыбнулась.

– Это всего лишь я. Ты где? Ты что, не собираешься отвечать? – С минуту она ждала и уже огорченно подумала, что ее подруги нет дома, но наконец облегченно вздохнула, услышав в трубке ее голос:

– Извини, что заставила ждать. Я была в саду, подрезала розы.

– Как ты отнесешься к прогулке по берегу моря?

Марина колебалась всего мгновение. Она обожала возиться у себя в саду, но, зная Пилар, не сомневалась, что у той серьезные проблемы, иначе она не стала бы приглашать ее на прогулку.

– Что-то случилось?

– Да нет, не совсем. Не знаю. Просто я разобрала кое-какой хлам у себя в голове, и старые мысли оказались на новых местах... – Она хотела объяснить все получше, но не нашла слов для выражения того, что чувствовала.

– А уж для меня там, несомненно, нашлось удобное местечко. – Марина, улыбаясь, уже снимала садовые перчатки. – Заехать за тобой?

– Это было бы просто замечательно. – Пилар облегченно вздохнула. Марина... Она всегда оказывается рядом в нужную минуту, всегда готова помочь, посоветовать, пожалеть... Ее братья и сестры до сих пор звонят ей посреди ночи со своими проблемами. И это понятно. Она такая умная и проницательная, да к тому же любвеобильная. Она была для Пилар тем, чем никогда не были для нее отец или мать. Ей можно было и просто излить душу, и попросить совета. Обычно Пилар все доверяла Брэду, но время от времени ей приходилось стал-

киваться с проблемами, которые могла понять только женщина. Правда, на этот раз она была почти уверена, что подруга скажет ей, что она сошла с ума.

Меньше чем через полчаса они уже медленно ехали в сторону океана, и Марина время от времени поглядывала на Пилар. Она сразу заметила, что ее обычно невозмутимая подруга выглядит обеспокоенной.

– Ну, выкладывай, что у тебя на уме. – Она остановила машину, и они вышли на берег. – Что мы будем обсуждать? Работу? Отдых? Или... недостаток отдыха? – Пилар улыбнулась и покачала головой. – Ты что, поссорилась с Брэдом?

– Нет, ничего подобного, – поспешила заверить ее Пилар. С мужем у нее все было как нельзя лучше. Она все больше склонялась к мысли, что они правильно поступили, поженившись, даже жалела, что не сделали этого раньше. – На этот раз... – она глубоко вздохнула, и подруги медленно зашагали по песчаному берегу, – как это ни смешно... это все Нэнси.

– Опять? После стольких лет? – Марина, казалось, очень удивилась. – Я-то думала, что она совершенно успокоилась еще десять лет назад. Мне горько это слышать.

– О, нет, совсем не то, что ты подумала. – Пилар рассмеялась и опять покачала головой. – С ней все в порядке. Через несколько недель она родит, ни о чем, кроме малыша, не думает.

– Еще бы, попробуй думать о чем-нибудь другом, если у тебя живот такой, будто ты проглотила пятидесятифунтовый арбуз... Когда взвалишь на себя такой груз, единственным важным вопросом для тебя станет проблема, как от него избавиться. Во всяком случае, это мне так кажется, ты же знаешь, я ненавижу поднимать что-нибудь весом более килограмма.

– О, замолчи, ради бога! – взмолилась Пилар, давясь от смеха. – Давно я так не смеялась, Мина. – Уже многие годы так называли ее племянники и племянницы, и Пилар тоже иногда звала ее так. – Самое смешное – я даже не знаю, что хочу тебе сказать... я не знаю, как объяснить то, что чувствую... я даже не знаю, чувствую ли я что-нибудь, или мне это только кажется... – Она совсем запуталась и замолчала.

– Боже, похоже, это что-то серьезное. – Марина пыталась успокоить подругу шутливым тоном, но, вглядываясь в лицо и глаза Пилар, она видела, что та действительно чем-то обеспокоена или расстроена. Но Марина не спешила. Она знала, что ее подруга в конце концов все ей расскажет. А пока пусть соберется с мыслями и обдумает, с чего начать.

Пилар смотрела на нее с какой-то странной застенчивостью, казалось, она пытается словами выразить обуревавшие ее чувства.

– Я даже не знаю, с чего начать... Когда пять месяцев назад Нэнси сказала мне, что беременна... а может, позже... в общем, я не знаю когда... я начала думать, что совершила ошибку... причем, очень может быть, довольно серьезную... – Ее лицо выражало такую муку, что Марина поразились:

– Ты что, имеешь в виду свое замужество?

– О нет! Конечно, нет. – Пилар уже в который раз отрицательно замотала головой. – Я имею в виду... свое решение никогда не иметь детей... А что, если оно неправильное? Вдруг мне придется пожалеть об этом в один прекрасный день? Что, если это действительно мои родители во всем виноваты и если бы у меня были дети, то я относилась бы к ним совсем иначе? Может, те, кто мне говорит об этом, правы и я действительно была бы хорошей матерью? – Страдание исказило лицо Пилар, и Марина молча указала ей на дюну, где они могли укрыться от ветра. Когда они уселись на песок с подветренной стороны, Марина обняла подругу за плечи.

– Я уверена, что ты была бы просто замечательной матерью, если бы захотела. Но знать, что ты будешь в чем-то хорошей, вовсе не означает, что тебе непременно надо это сделать, если тебе этого не хочется. Я уверена, что из тебя получился бы, например, отличный пожарник, но это же не значит, что ты должна менять профессию... Позволь тебе заметить,

что большинство женщин имеют детей, но это еще не значит, что у всех женщин должны быть дети. И если ты решила, что дети тебе не нужны, никто не будет считать тебя плохой, или странной, или глупой. Кто-то хочет иметь их, а кто-то не хочет. И это вполне нормально. Всегда надо делать то, что тебе больше подходит.

– А ты сама никогда не задумывалась, правильно ли ты сделала свой выбор? Ты никогда не жалела, что у тебя нет детей? – Пилар задала этот вопрос, поскольку знала, что то, с чем она столкнулась, наверняка когда-то коснулось и ее подруги.

– Жалела, не сомневайся, – честно призналась Марина, – несколько раз. Почти всегда, когда кто-нибудь из моих сестер или братьев, а потом и племянников или племянниц давал мне в руки очередного малыша, у меня сжималось сердце, и я думала... черт возьми! – да, я хотела, чтоб это был мой ребенок!.. Но, к счастью, это желание улетучивалось уже минут через десять. Послушай, я двадцать лет утирала носы, меняла пеленки, мыла горшки, стирала ползунки по четыре-пять раз в день, отправляла их в школу, водила гулять в парк, укачивала по ночам, учила застилать кровати...

Боже, я только в двадцать пять смогла поступить в колледж и только в тридцать пошла на юридический факультет! Но... теперь, когда они выросли, я их всех люблю, может, за исключением одного или двух... но... их я тоже люблю. Они все доставляли мне радость, каждый по-своему, конечно... И что-то, конечно, было приятно и незабываемо... И все-таки... Я не хочу, чтобы это все повторилось! Как мне тогда не хватало времени для себя, для учебы, для работы, для друзей, для любовников, в конце концов. Конечно, если бы попался стоящий парень, я могла бы выйти замуж, да пару раз они и попадались... но у меня почему-то именно в тот момент были какие-то причины, по которым я не хотела себя связывать... Я, впрочем, думаю, что дело совсем не в этих причинах, просто... понимаешь, мне нравилось быть независимой женщиной. Я любила свою работу, я любила всех этих детей... Но сейчас я правда рада, что не завела своих... Конечно, хорошо иметь сына или дочь, которые позаботятся о тебе, случись что на старости лет, но, что до меня... у меня же есть ты, да еще десять братьев и сестер и все их дети. – Она еще никогда не разговаривала с Пилар так откровенно, и та была благодарна ей за прямоту.

– И все же вдруг в один прекрасный день окажется, что это все не то? Ведь друзья и родственники не смогут заменить собственного ребенка. Или смогут?

– Ну, если такое вдруг случится, значит, моя жизнь – это сплошная ошибка, – сказала Марина. – Но пока я не жалею.

В свои шестьдесят пять она была сильной и подвижной женщиной. Она обожала свою работу в суде, и Пилар не знала человека, у которого было бы столько друзей. Как только у нее выдавалась возможность, она тут же мчалась провести кого-нибудь: племянника или племянницу, сестру или друга. Она жила полноценной, беспокойной, но счастливой жизнью. Пилар казалось, что она тоже живет такой жизнью... До недавнего времени казалось.

– Ну а ты... – Марина повернулась к ней и удивилась: подруга казалась смущенной и далеко не счастливой. – Эй, что это на тебя нашло? К чему все эти вопросы насчет детей? Ты что, беременна? Хочешь узнать, что я думаю об абортах?

– Нет, – Пилар сокрушенно покачала головой, – мне до сих пор казалось, что я спрашиваю тебя о том, как рожать детей. Но я не беременна. – Она даже не была уверена, хочет ли, чтобы это случилось. Просто впервые в жизни она вдруг засомневалась в правильности принятого когда-то решения.

– Слушай, а это было бы здорово! Но ты действительно этого хочешь? А что по этому поводу думает Брэд?

– Не знаю. Но скорее всего он скажет, что я сошла с ума, и будет прав. Слушай, я ведь всегда была уверена, что не хочу иметь детей! И все из-за того, что боялась стать похожей на собственную мать.

– Пойми, ты никогда не будешь на нее похожа. Надеюсь, ты и сама это знаешь. Вы – два совершенно разных человека.

– И слава богу!

Марина никогда не могла понять отношений между подругой и ее родителями, хотя Пилар часто пыталась все ей объяснить. Единственное, с чем она была согласна, что ее матери и отцу не следовало заводить ребенка, если смысл своей жизни они видели в карьере.

– Но это единственное, что тебя останавливает? Ты боишься быть похожей на нее, да?

– Да нет... не только это... Просто я всегда считала, что мне это не нужно... Но ведь я также считала, что мне не нужно выходить замуж, а теперь жалею, что не сделала этого раньше.

– Ну уж такие сожаления – просто глупость. Тебе сейчас хорошо? Вот и наслаждайся жизнью. И нечего оглядываться назад, да еще и переживать.

– Да я и не оглядываюсь... Я просто не знаю, что на меня нашло... Мне кажется, я как-то изменилась, что ли.

– А вот это как раз совсем неплохо. Было бы гораздо хуже, если бы ты всю жизнь оставалась одинаково стойкой и непоколебимой. Может, для тебя это действительно очень важно? Может быть, тебе просто необходимо познать материнство?

– О господи! А что, если мне это не понравится? Что, если я просто завидую Нэнси? Может, это просто минутная слабость? И вдруг моя мать права и ребенок родится с тремя головами, потому что я слишком стара? – У нее было слишком много вопросов, на которые даже Марина не смогла бы ответить.

– А есть ли жизнь на Марсе? Ты же не можешь знать всего, Пилар. Единственное, что ты можешь, – поступать так, как велит тебе разум и подсказывает сердце. Вот сейчас ты считаешь, что тебе нужно родить. Ты, конечно, имеешь право еще раз хорошенько все обдумать. Но нельзя же, черт возьми, все время мучиться вопросом о том, что из этого получится! Господи! Да если бы каждый так долго решал эту проблему, что стало бы с человечеством?

– А как насчет тебя? Ты же не страдаешь от того, что у тебя нет детей, может, и мне лучше обойтись без них?

– Ты сама прекрасно понимаешь, что это глупо – брать с меня пример. Мы же два совершенно разных человека, и наши жизни нельзя сравнивать. Я шестьдесят лет провозилась с детьми! А ты? Ты знала только детей Брэда, да и то они уже были почти взрослые, когда вы познакомились. Да, между прочим, ты вот замужем, а я никогда не была и не переживаю по этому поводу. Я выбрала свободу и теперь наслаждаюсь работой, друзьями... Это мой стиль жизни, и мне он подходит. А ты встретила Брэда, вы поженились, ты счастлива, вам хорошо вместе... И, может, тебе действительно надо родить ребенка, чтобы потом не жалеть всю жизнь?

Пилар надолго замолчала, задумчиво разглядывая песок. Слова подруги успокоили ее, но ответы на свои вопросы она так и не получила. Наконец она подняла голову и снова посмотрела на Марину:

– Мина, скажи... а что бы ты сделала на моем месте?

– Во-первых, я бы успокоилась и посмотрела на вещи проще. Потом я бы поехала домой и поговорила обо всем с Брэдом, но не стала бы на него слишком сильно давить. Поверь, он тоже не сможет ответить на все твои вопросы. Этого никто не сможет сделать, даже ты сама. В какой-то мере человеку в жизни приходится несколько раз вставать перед выбором. Ты всеми силами стараешься оградить себя от этого, но рано или поздно тебе все-таки придется выпрыгнуть из тонущей лодки. И я надеюсь, что ты не прозеваешь нужный момент.

– Замечательные слова, ваша честь.

– Спасибо. – Марина усмехнулась и, посмотрев Пилар прямо в глаза, добавила: – А если честно, я на твоём месте ни о чём бы не думала, а взяла бы и родила ребёнка. И к чертям эти глупости насчёт возраста... Я думаю, что ты этого действительно хочешь, но просто боишься признаться.

– Может быть, ты и права. – Но Пилар даже представить себе не могла, как к этому отнесётся Брэд. Она попыталась представить себе его реакцию, когда она заявит, что хочет иметь ребёнка...

По дороге домой они почти не разговаривали. Пилар любила общаться с Мариной. Она знала, что для этого ей не надо прилагать много усилий, и всегда очень ценила то, что говорила подруга. Вот и сейчас ей нужно было время, чтобы переварить все сказанное.

– Не переживай, старушка. Очень скоро поймёшь, чего ты действительно хочешь. Просто прислушайся к себе, и твоё сердце само всё подскажет. И, поверь, в этом случае твой выбор будет правильным.

– Спасибо тебе. – На прощание они крепко обнялись, и Пилар помахала ей вслед. «Просто удивительно, как Марина меня понимает», – улыбалась она, медленно приближаясь к дому.

Брэд уже вернулся. Когда она вошла, он складывал свои клубные принадлежности и выглядел отдохнувшим и загоревшим. И, как всегда, увидев жену, радостно улыбнулся.

– Где это ты была? Ведь сегодня, кажется, должна была прийти Нэнси? – Он обнял Пилар, поцеловал, и они поднялись на террасу.

– Да, она приходила на ленч. А потом мы с Мариной гуляли по пляжу.

– О! – Он знал жену очень хорошо. – У тебя что, неприятности?

– Что ты имеешь в виду? – Брэд усадил её к себе на колени, и она впервые за этот день почувствовала себя по-настоящему счастливой.

– Ну, ты же никогда не прогуливаешься по пляжу просто так. Ты делаешь это, только когда тебе нужно обдумать и принять какое-нибудь важное решение. Последний раз, например, ты бродила по пляжу, решая вопрос о приеме нового сотрудника. До этого, мне помнится, ты исходила его вдоль и поперек, обдумывая, как тебе выкрутиться из одного неприятного дела, в которое тебя наглым образом впутали... А ещё до этого, ты помнишь?... Ты совершила длительную прогулку, и после этого мы поженились. – Она рассмеялась, он всегда и во всём был прав. – Ну а чем же вызвана сегодняшняя прогулка? Неужели Нэнси обидела тебя? – Брэд был удивлен, ведь за все эти годы женщины, как ему казалось, давно подружились. – Или что-то произошло на работе?

Пилар недавно выиграла важный процесс в Лос-Анджелесе, и он был горд за жену, но в то же время хорошо знал, как ее выматывает работа, где каждый день приходилось принимать решения. Он всегда был рад помочь ей, но иногда перед ней вставали проблемы, которые даже он не мог разрешить, и тогда всё зависело только от нее.

– Нет-нет, с работой всё отлично. А Нэнси была просто восхитительна!

Восхитительна и, сама того не сознавая, безжалостна. Она коснулась той части ее души, о которой сама Пилар вряд ли даже подозревала. Ей приходилось об этом задумываться один или два раза за этот год, но она неизменно приходила к мысли, что всё это пустяки, на которые не стоит обращать внимания. Но сейчас она уже не была так уверена в этом и решительно не знала, что сказать Брэду. Марина, наверное, всё-таки права, она должна поговорить с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.